

Борис Костин

Вперёд, сыны Эллады!

Борис Костин

Вперед, сыны Эллады!

«Костин Борис Акимович»

2008

Костин Б. А.

Вперед, сыны Эллады! / Б. А. Костин — «Костин Борис Акимович», 2008

ISBN 978-5-94158-117-76

Пожалуй, трудно сыскать государство, с которым Россия так тесно связана узами общей веры и культуры. Государство это – Греция, а ее свобода и независимость, обретенная 180 лет назад, оплачена кровью лучших сынов России, в том числе и петербуржцев. Блестящий кавалергард, а затем командир Гродненского гусарского полка князь Александр Ипсиланти проявил себя подлинным героем в годы Отечественной войны 1812 года. Именно на него, руководителя общества «Филики Этерия», легла ответственность за подготовку и ход греческого восстания, которое развернулось в Придунайских княжествах и в самой Греции в 1821 году 25 марта – знаменательный день в истории Греции, когда в святой христианский праздник Благовещения раздался призыв: «К оружию!». Восемь лет длилась жестокая, изнурительная борьба Греции с турецкими угнетателями. И только Россия пришла на помощь истекающему кровью греческому народу. Адрианопольский мир, подписанный 2-го (14-го по н. ст.) сентября 1829 года принес Греции долгожданную свободу.

ISBN 978-5-94158-117-76

© Костин Б. А., 2008

© Костин Борис Акимович, 2008

Содержание

К читателям	7
Борис Костин	8
Глава 1. На зачинающего Бог!	8
Глава 2. Россия и Эллада	11
Глава 3. Из варяг, славян, турок и прочих в греки	17
Глава 4. На службе России	25
Глава 5. В годину тяжких испытаний	34
Глава 6. Екатеринин день	41
Глава 7. Филики этерия	46
Глава 8. Генерал-эфор и «благодетель»	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Борис Костин

Вперед, сыны Эллады!

© Костин Б. А., 2008

© Лукашенко Э. А., 2008

© Клуб «Ода», 2008

© «АССПИН», 2008

* * *

К читателям

Дорогие друзья!

Рада приветствовать выход книги «Вперед, сыны Эллады!», посвященной 180-летней годовщине Адрианопольского мирного договора, который стал важной вехой в развитии российско-греческих отношений.

Россию и Грецию многое объединяет. Наши страны очень похожи, их объединяет и общая религия, и близкая по духу культура. Санкт-Петербург связывают с Грецией проверенные временем культурные, политические и деловые связи. Знаменитый греческий город Пирей является побратимом Санкт-Петербурга, партнерские отношения связывают северную столицу с Салониками. Год от года расширяется наше взаимодействие в области туризма, торговли, развития портов. В Петербурге мы всегда рады видеть гостей из солнечной Греции.

Прекрасно, что петербургский писатель Борис Костин в своей книге «Вперед, сыны Эллады!» обратился к ярким страницам нашей общей истории. Первый президент Греции, талантливый дипломат Иоанн Каподистрия долгое время плодотворно трудился в Министерстве иностранных дел России. В знак увековечения его заслуг перед Россией в Санкт-Петербурге на Греческой площади ему установлен памятник. Имя участника Отечественной войны 1812 года князя Александра Ипсиланти навечно вошло в историю освобождения Греции.

Уверена, что книга «Вперед, сыны Эллады!» послужит укреплению и развитию российско-греческих отношений, напомнит читателям о героическом прошлом наших народов.

Губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко

*180-летней годовщине освобождения Греции от турецкого ига и
победе русского оружия в войне 1828–1829 гг посвящается.*

Родовой герб князей Ипсиланти

Борис Костин Ипсиланти

*Тот, кто кладет голову за Отечество, всегда достоин почтения,
каков бы ни был успех его предприятия.*

М. Ф. Орлов

Глава 1. На зачинающего Бог!

От Динабурга до Полоцка расстояние сто вёрст. От Полоцка до Клястиц – сорок. Лесные дороги пересекает бесчисленное множество ручейков, тянувшихся к Двине и лишь изредка выходящих из ельников и березняков на холмистые овалы полей. Дороги песчаные, пыльные, а в знойный июнь 1812 года – пропитанные солдатским потом и кровью, всенародной горечью отступления.

Первый армейский корпус графа Витгенштейна отходил с боями к Дрисскому укрепленному лагерю, а от него к Полоцку. Отвага и мужество арьергарда под командованием Кульнева служили надежным прикрытием главных сил. В отряде Кульнева героев не перечесть: сам командир – лихой рубака, любимец солдат и офицеров, под стать ему подчиненные. Но и среди них выделяется молодой гусарский поручик со смуглым, несколько женственным лицом, с карими глазами, над которыми крутыми дугами выгнулись тонкие линии бровей. Поручик уверенно держался на коне, отменно владел саблей, первым бросался на неприятеля и последним выходил из боя. Звали гусарского поручика Александр Ипсиланти и было ему в ту пору девятнадцать лет.

Июльская ночь была безветренна и светла. Костер мерно потрескивал, искры лениво взвивались вверх. Полковник Ридигер задумчиво раскуривал трубку. Ипсиланти кончиком сабли пошевеливал угли и был преисполнен томительного ожидания.

В редкие минуты отдыха между боями и стычками Кульнев любил вспоминать прошлое. Рассказчиком генерал был отменным, и события славные, героические будто оживали в его устах. Но в эту ночь Яков Петрович был явно чем-то взволнован. Он часто вставал с импровизированного стула, которым ему служил березовый пенёк, и широкими шагами мерил берег Дриссы.

Наконец генерал прервал молчание.

– Я ведь родом из этих мест, господа... Да, да... Вот там, за этим изгибом, – Кульнев указал туда, где водная гладь реки круто исчезала во мраке, – постоянный двор, Сивошино... Матушка сказывала, что я увидел свет на здешней почтовой станции... Это уже после какой-то чудака присочинил, что я, мол, родился под елями. А батюшка тогда ехал к новому месту службы в Люцин... Вот уж не ждал, не гадал, что буду в родных местах с неприятелем биться!..

На некоторое время прервав рассказ отважного кавалерийского генерала и хотя бы вкратце поведаем о Якове Петровиче Кульневе, или «люцинском Дон Кихоте», как иногда себя величал командир гродненцев, слышавший в русской армии образцом чести и долга.

А еще Кульнева называли учеником Суворова, что во времена императора Павла Петровича едва не стоило ему всей карьеры. Чего греха таить, старый гусар был прямо в суждениях, как клинок, не терпел и презирал лизоблюдов и на дух не переносил трусов. «Гусар, празднующий труса – сущий анахронизм!» – любил говаривать Кульнев и, примечая молодых-удальцов, доверял им едва ли не самые опасные поручения, памятуя о том, как его неза-

бвенный Суворов послал под Прагой (предмесье Варшавы) в самое пекло. Друг сердечный, князь Петр Иванович Багратион, в войне против шведов в 1809 году доверил Кульневу такое, что даже у издавших виды воинов мурашки по коже шли. И вовсе не от трескучего мороза, которым встретила гибельная Ботника гродненских гусар. «Бог с вами, я перед вами, князь Багратион за вами. Поход до шведских берегов венчает все труды...»

В ста верстах от Стокгольма гродненских гусар остановил приказ Александра Первого. Перемирие... А как хотелось Якову Петровичу продефилировать с гусарами по Стокгольму!

«Тебе известно, – писал Кульнев 25 марта 1812 года брату, – что война у нас не за горами». Наполеоновское нашествие, словно вулканическая лава, подминая под себя бело-русскую землю и оставляя на ней кровавые следы и пепелища, спустя месяц после перехода «Великой армии» через Неман застопорилось в Придвинье.

Император Александр Павлович со своей свитой расположился в древнем славянском городе Полоцке и пребывал в тягчайшем раздумье. Отступление армии вглубь России подавляло его, и лишь сообщение об удачном арьергардном бое под Вилькомиром, где Кульнев заставил-таки «непобедимого Ролланда», как называли во французской армии маршала Удино, уважать русское оружие, вселило надежду и настроило на боевой лад.

Вскоре царь по настоянию государственного секретаря Шишкова, министра полиции Балашова и графа Аракчеева покинул Полоцк и выехал в Петербург для организации отпора врагу. Незадолго до этого события, которое стало судьбоносным в ходе кампании, ибо Александр Павлович напрочь был лишен полководческого дара, в импровизированном кабинете между российским монархом и поручиком гвардии Александром Ипсиланти состоялся весьма любопытный разговор.

– Я прочитал ваше прошение, – начал без предисловий государь. – Вы не получили моего отказа, когда просились в действующую армию...

Греческий князь еще задолго до того, как на Немане прогремели первые выстрелы, начал исподволь готовить решительный шаг и сумел уломать доку по устройству быта императора, гофмаршала графа Толстого, включить его в список свитских, надеясь при первой okazji избавиться от необременительных обязанностей адъютанта «на побегушках». Государь, по излюбленной привычке править документы, делать пометы и накладывать резолюции красным карандашом, обнаружив в списке фамилию Ипсиланти, намеревался было зачеркнуть ее, как за поручика, презрев робость, вступился Толстой. Александр Павлович отложил карандаш, пожурил вельможу и поставил утвердительное «согласен» – он неназойливо опекал юношу и связывал с ним далеко идущие помыслы, делиться которыми даже с самыми близкими людьми считал преждевременным.

– Вы проситесь к Кульневу? – спросил император Ипсиланти. – В шведской кампании я вручил ему орден Святой Анны высшей степени и саблю «За храбрость»... Храбрец и чудак... Гусары – в финских колпаках... Оригинально...

– Я почту за честь сражаться рядом с генералом. Заверяю, что не посрамлю вас, Ваше величество.

Император взял в руку остро отточенный красный карандаш и размашисто начертил на прошении Ипсиланти: «В ординарцы к Витгенштейну».

Поручик покинул императора в минорном настроении и долго рассматривал императорскую подпись: «Александр». Тёзка...

Командир 1-го корпуса генерал-лейтенант Петр Христианович Витгенштейн был полной противоположностью искрометному Кульневу, хотя генерала никто не мог упрекнуть в отсутствии отваги. Для военачальника одного этого качества, однако, было недостаточно, к тому же каждый свой шаг «спаситель града Петрова» (так впоследствии поименуют Витгенштейна петербуржцы) сверял с Главной квартирой, которая находилась за тридевять верст, в столице Российской империи.

Возможно, это обстоятельство и сыграло на руку Александру Ипсиланти. Уж какие аргументы привёл греческий князь, чтобы избежать незавидной участи «штабного», осталось неизвестно. Да и Кульнев был не промах, разглядел в юноше, может быть, себя самого в начале карьеры. К тому же греческий князь прикипел к России, считая ее своей второй родиной.

Итак, теплая июльская ночь накануне сражения, берег Дриссы, костер, возле которого гродненцы, Кульнев, на которого нахлынули воспоминания о необычном рождении...

– Ваше превосходительство! – воскликнул Ипсиланти. – Да я бы за счастье почитал, если бы мне довелось сражаться за мою Родину, но увы, свобода ее далека, как вот эти звёзды...

– Потерпите, потерпите, князь, – вступил в беседу Ридигер. – Вот свернем шею Бонапарте, а там и султану, глядишь, выйдем и в хвост, и в гриву.

Дружный смех прервал Кульнев.

– Позвольте открыться, князь. Разрази меня, гром, сколь мозги не напрягаю, слабость в познаниях, почерпнутых в Шляхетском корпусе, чувствую. Что я знаю о Греции?.. Слыхивал о некоем «Греческом прожекте» светлейшего князя Потемкина-Таврического, в чествовании их светлости графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского участие имел, сам на штурм дунайских крепостей не единожды ходил, веруя, что за благое дело христианское сражаюсь... А цель-то – она, что мой локоть – близок, да не достанешь. Султан, небось, руки потирает. Изопьет Россия горя немало, но буде даст Господь сохранит мою голову в нынешней кампании, тогда и за народы христианские постоим!

Кульнев не предполагал, что эта ночь, как и наступившее туманное утро, окажутся для него последними и что ему не суждено услышать обстоятельный рассказ полубившегося ему Ипсиланти.

Глава 2. Россия и Эллада

Во второй половине XV века только Московское государство было способно возвысить голос за православный мир и отстаивать драгоценные святыни. Обвенчавшись с Софией Палеолог, племянницей последнего византийского императора, Великий князь Московский Иван III стал наследником византийских базилевсов не только по вере, но и по родству.

София явилась на Русь в сопровождении множества священников, иконописцев, а ее багаж переполняли рукописи, церковные книги и святые реликвии¹. Подданные Ивана III вскоре почувствовали высокую династическую преемственность, поскольку на прежнем московском гербе, где красовался Георгий Победоносец, появился двуглавый орел.

Соотечественники Ипсиланти обосновались в России еще при царе Михаиле Федоровиче. А началось все с того, когда в августе 1621 года в Москву приехал турецкий посланник, грек Фома Кантакузин. Расчет правителя Османской империи был прост. Султан Осман надеялся склонить русского государя к совместному походу на Польшу и полагал, что православные люди найдут между собой язык.

Престол в Стамбуле в те годы, как известно, частенько переходил от одного владыки к другому, но султан Мурад IV в 1627 году решил воспользоваться услугами Кантакузина, которому помощь толмача была не надобна.

Примечательны слова устного послания Мурада IV, в ближайшем окружении которого было немало христиан: «Хочу государя Михаила Федоровича иметь себе братом, а... святейшего патриарха отцом...»

Породнение не состоялось – неподконтрольные Москве донские казаки вбили клин в намечавшееся сближение, сам Фома Кантакузин пал под ударами сабель своевольных донцев. И все же часть миссии, сокрытую от взора турецких правителей, высокородный грек выполнил успешно: дед Петра Великого даровал греческим семействам, притесняемых султаном, обширные угодья в Черниговской губернии. А уж трудолюбия грекам было не занимать.

В народе недаром говорится – не хлебом единым живет русский человек. Круговерть тяжких потрясений: многовековое татаро-монгольское иго, бесконечные войны и смута отбросили русское просвещение, корнями уходившее в традиции Византии, в беспросветный тупик, из которого, казалось, и выхода никогда не будет. Но нет! Слово Господнее, все-сильное, исподволь подтачивало камень невежества, которое лучшие умы России считали едва ли не большей бедой, нежели бедствия стихийные и вражеские нашествия. В середине двадцатых годов XVII века распахнула свои двери Киево-Могилянская духовная академия, получившая название по имени своего основателя, Киево-Печерского архимандрита Петра Могилы. «Дидаскалы» (так в ту пору называли на греческий манер преподавателей) сеяли разумное, доброе, вечное и в стенах академии звучали стихи Гомера, Пиндара на их родном языке. В «Киевской учености», как иногда называли Духовную академию, шли нескончаемые споры вокруг учений Сократа, Платона, Аристотеля и с оттенками восхищения зазвучало слово «театр». Ученики не без успеха лицедействовали в пьесах Софокла, Эврипида, Аристофана, вызывая восторг не только у собратьев по академии, но и у местной знати.

В начале XVII века на слуху русских людей появилось словосочетание «Братская школа», название учебных заведений, которые множились и утверждались по всей России, как зародыши будущих гимназий. Но в ту пору братские школы были призваны ликвидировать недостаток образованного духовенства, переводчиков. И вот здесь-то и обнаружилось, что «Греческая грамматика» Лаврентия Зизания, изданная аж в 1591 году, – единственный

¹ В их числе знаменитый митрополичий клубук, доставшийся Новгороду.

и драгоценный учебник, по которому делали первые шаги отроки, которым предстояло восстановить связь времен и восславить слово русское.

В лице воспитанника, а затем и дидаскала Полоцкой братской школы монаха Симеона, с именем которого неизменно употребляется прозвище «Полоцкий», русская духовная и поэтическая мысль обрела не только своего преданного и верного служителя, но и величайшего просветителя. Целых 130 лет (!) в Москве в Китай-городе² просуществовала основанная Симеоном Полоцким в 1686 году Славяно-греко-латинская академия, среди выпускников которой мы находим имена, драгоценные для русской истории: Сильвестра Медведева, Михайло Ломоносова, Антиоха Кантемира.

Русская православная церковь, с превеликим трудом преодолевшая раскол, твердо придерживалась канонов, воспринятых у Византии. Но в 1700 году грянул гром и Россия волеизъявлением Петра I в одночасье лишилась патриаршества³. Верховного пастыря, к которому сходились нити духовного здоровья русской нации, заменил чиновничий Священный Синод. «Богу Богово, кесарю кесарево», – рассудил Петр I, больно ударив по грекофилам и тем самым закрепив торжество латинистов.

Даже турки, которых трудно заподозрить в доброжелательности к христианам, обратив многие храмы и церкви в мечети, не решились лишить константинопольского патриарха возможности духовного окормления православной паствы. Турецкое правительство считало патриарха политической главой всего православного населения Османской империи, что вовсе не гарантировало верховным пастырям полной безопасности. Любая малейшая непокорность христианских вотчин безжалостно каралась смертью.

Последователи царя-преобразователя в силу различных причин не утруждали себя в выборе идеала обустройства российского общества. Все изменилось с восшествием на престол Екатерины Второй. Эллинизм на долгие годы стал доминантой в воззрениях российской знати, отправной точкой в творениях мастеров искусств. Уж на какие уловки только не приходилось идти императрице-просветительнице! Порой по ложным паспортам через третьи страны в Россию прибывали учителя словесности, художники, архитектурных и строительных дел мастера, формируя у великосветских отпрысков утонченный художественный вкус, идеализируя античное искусство и устройство Древней Эллады.

О том, что российское правительство откровенно закрывало глаза на нарушения паспортного режима, прочтем в постановлении Кабинета министров времени правления внука Екатерины Второй: «Кабинет полагает, что греков, приезжающих в Россию для вступления в подданство, можно принимать и без видов, в том уважении, что им оные получить трудно и что им Россия всегда оказывала покровительство».

Ключук-Карнаджийский мир 1774 года⁴ на целый год снял препоны к переселению греков из Северного Причерноморья и Малой Азии. Но и после того, как этот срок миновал, граница России и Турции не обезлюдела.

В 1777 году Суворов, выполняя волю императрицы, начал великое переселение христиан из Крыма. В одном из своих донесений великий полководец называет цифру 32 000 человек. Большинство их составляли греки, которые осели в Приазовье, основав город Мариуполь. Но этим дело не закончилось. Мелитополь, Ставрополь, Херсон, Екатеринослав – вот перечень городов, названия которых как в зеркале отражают желание Екатерины Второй соединить историческим мостом империи: Российскую и Греческую. Немало пре-

² Ныне ул. Никольская, д. 7.

³ Последний всероссийский патриарх – Андриан (1690–1700).

⁴ В подготовке текста договора и его подписании принимал участие Великий Драгоман Порты князь Александр Ипсиланти.

успел и светлейший князь Потемкин, который намеревался устроить Екатеринославна-Днепре по образу и подобию Афин времен правления Перикла.

Отметим немаловажный факт – в «местах компактного проживания» греков им дозволялось право на местное самоуправление, земли их не облагались налогом в течение десяти лет, миновали переселенцев и рекрутские наборы. К чести греков, они не отсиживались в тылу и, например, в русско-турецкой войне 1768–1774 годов в составе русской армии сражалось восемь добровольческих эллинских батальонов⁵.

О заботе императрицы по подготовке офицеров для греческих воинских формирований свидетельствует ее указ от 7 января 1775 года, по которому директору артиллерийско-инженерного кадетского корпуса генерал-инженеру Михаилу Ивановичу Мордвинову поручалось создание «особливого училища для отправляющихся с Архипелага греческих мальчиков».

Генерал был на редкость исполнительным, и гимназия, преобразованная в Корпус чужестранных единоверцев, к 1792 году насчитывала около 200 мальчиков от 12 до 16 лет. К сожалению, по восшествии на престол Павел Петрович безжалостно обошелся со многими матушкиными начинаниями. Корпус был ликвидирован, а его воспитанники были распределены по столичным военно-учебным заведениям.

В апреле 1790 года на дворцовом приеме греки Христос Лаккиотис, Панос Дзирас и майор Сотирис вручили Екатерине II петицию, которая действовала, словно бальзам, пролитый на душу императрицы. Еще бы! Ведь посланцы Эллады просили «дать грекам в качестве государя ее внука Константина». Сам же претендент на греческую корону, которому исполнилось десять лет, приветствовал посланцев Греции на их родном языке, пожелав депутатам успехов в осуществлении их планов.

...В предчувствии скорой кончины императрица Екатерина Вторая составила завещание, в котором имелись и такие строки:

«Буде я умру в Царском Селе, то положите мне на Софиенской городской кладбище...

Буде – в городе святого Петра – в Невском монастыре, в соборной или погребальной церкви...

Библиотеку мою со всеми манускриптами... отдаю внуку моему любезному Александру Павловичу... и благословляю его моим умом и сердцем...

Мое намерение есть возвести Константина на Престол Греческой восточной империи...

Для блага Империи Российской и Греческой советую отдалить от дел и советов оных Империи Принцев Виртенбергских и с ними знаться как можно меньше...»

Императрица, деспотичная в семейных делах, презрев волю сына, великого князя Павла Петровича, и невестки Марии Федоровны, вопреки дворцовой традиции назвала внуков греческими именами: знайте, мол, что нас связывает с Грецией – вера и культура. Но, как показало время, не только они...

Впоследствии «Греческий прожект» императрицы Екатерины Великой назовут «великой иллюзией». А между тем в самой Элладе Россия виделась мессианской страной, ниспосланной Богом для спасения. И совершенно напрасно некоторые историки применительно к авторам «Греческого прожекта», светлейшему князю Потемкину-Таврическому, графу Алексею Орлову-Чесменскому и канцлеру Безбородко, употребляют нелицеприятные термины «авантюристы» и «романтики». «Екатеринским орлам», сибаритам и сластолюбцам, воителям и мудрецам, было присуще одно из величайших качеств – умение не только читать

⁵ Из переселенцев, доставленных в Крым на кораблях Средиземноморской эскадры, был сформирован Балаклавский греческий батальон, который нес кордонную службу на участке от Севастополя до Феодосии.

мысли повелительницы, но и превращать их в решения государственные, наиглавнейший стержень которых – благо Отечества.

«Крест над Айя-Софией!», свободолюбивый клич греков, вовсе не затуманивал умы российских государственных мужей, а сама Греция в их планах никоим образом не рассматривалась в качестве разменной монеты в политических играх.

Россия под скипетром Екатерины II была сильна, не нуждалась в нравоучениях и могла без помех решать любые задачи. В общих чертах греческий проект вырисовывается в беседах императрицы с ее личным секретарем Храповицким:

7 июня 1788 года. «Пусть турки пойдут куда хотят. Греки могут составить монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться? Ибо лучше иметь в соседстве христианскую державу, нежели варваров».

30 января 1789 года. «...Турцию поделить можно и дать куски Англии, Франции, Германии, а остатки довольно для великого князя Константина...»

9 октября 1789 года. «...Константин мальчик хорош; он через 30 (!!!) лет из Севастополя приедет в Царьград. Мы теперь рога ломаем, а тогда уже будут сломлены, и для него легче».

Фраза «рога ломаем» нуждается в пояснениях. В 1783 году капитан-командир С. Грейт предложил план взятия Константинополя и проливов. В 1791 году, 29 июня, адмирал Ф. Ушаков разгромил турецкий флот и находился всего лишь в 60 верстах от Царьграда. В 1795 году А. В. Суворов начертил собственноручно «План взятия Великого города»...

Увы, один из творцов греческого проекта, всесильный фаворит, устроитель русской армии и южных земель, князь Потемкин-Таврический снизошел в могилу⁶ Его смерть подорвала духовные силы императрицы, надолго выбила из колеи и заметно ослабила решительность в реализации «Греческого проекта». Свидетельство тому – мир с Турцией, заключенный 21 декабря 1791 года в Яссах. Константинополь остался у Порты и, как показали дальнейшие события, навсегда. И всё же незабвенной императрице удалось заложить прочный духовный фундамент, на котором ее последователи строили свои царствования.

Примечательны слова, произнесенные греческим корсаром Ламбросом Кацонисом⁷, от одного имени которого трепетали турецкие мореплаватели, по поводу результатов Ясского мира: «Если императрица заключила свой мир, то Кацонис еще свой не заключал». И так мыслила вся Греция.

...Император Павел Петрович, снизошедший в могилу от «апоплексического удара» 11 марта 1801 года, в свое недолгое правление успел-таки совершить одно из своих деяний, о котором невозможно говорить без восхищения.

В 1786 году в Константинополь прибыл, как было записано в подорожной, «на излечение от лихорадки» морской офицер Дмитрий Николаевич Сенявин. Как шло лечение, мы можем лишь догадываться. Но уже через два года мы находим имя Сенявина в числе участников Средиземноморской экспедиции адмирала Ф. Ушакова, где он командует кораблем «Святой Петр». Именно Сенявину Павел Первый поручает устроить «правильную администрацию» на Ионических островах. Название этого государства, свободного от турок и французов, предложил не кто иной, как российский монарх – Республика Семи Соединенных Островов. Он же направил в Республику своего представителя, графа Г. Д. Моницега, которому вменялось осуществлять контроль, не вмешиваясь в деятельность администрации. Это было незабвенное время, а сама администрация стала подлинной школой становления наци-

⁶ 4 октября 1791 года.

⁷ Кацонис Ламброс (1752–1805) – греч. деятель нац. – освобод. движения. Полковник русского флота, командующий легкой российской флотилией.

онального самосознания. Здесь в качестве государственного секретаря начал свою политическую деятельность Иоанн Каподистрия, будущий министр иностранных дел России и первый президент Греции.

Республика без конституции – что император без короны, скипетра и державы. И Павел Петрович, ничтоже сумняшесь, вступил в сношения с Ригасом Велестинлисом, у которого республиканская конституция была на такой случай написана. Правда, она предназначалась для всей Греции, а сам Ригас более посматривал в сторону Парижа, нежели Петербурга. Но такие детали в большой политической игре, как правило, не идут в расчет. А вот по воцелению на престол Павел I посоветовал сыну, великому князю Константину, выбросить бабкины химеры из головы.

Однако время рассудило и подтвердило, что плоды трудов Екатерины Великой не пропали даром. Взгляните на Петербург! Итальянское барокко, грешащее зачастую вычурностью, уступило место проникновенной простоте, вдохновенности и строгости линий. Но разве это слепое копирование? Отнюдь! Александр Павлович, заимствуя лучшее, сумел придать Северной столице облик, в котором властвовали совершенство и гармония. Русский царь оказался не только достойным и бережным хранителем традиций древности, но и неподражаемым интерпретатором. К тому же и судьба греческого народа, который вот уже более четырех веков томился под пятой Турции, была далеко не безразлична российскому монарху.

И не вина России, что всякий раз, взявшись за оружие, она не могла окончательно сломить турецкий гнет на Балканах. Силы государства были не беспредельны. В то время Европа трепетала перед всевластием Наполеона.

В Тильзите «упрямый российский лошак», как величал повелитель Европы Александра Павловича, посмел возвысить голос за единоверцев – греков и сербов. Слова российского монарха о «неустройстве Ереции» вызвали мгновенную реакцию Наполеона.

– Я знаю планы Ипсиланти. Он обманывает нас. Единственной его целью является осуществление собственных химер.

Убеждать Наполеона в том, что свобода единоверцев вовсе не химера, а назревшая необходимость, было напрасным занятием.

Между тем двоедушие Александра Павловича по отношению к Ереции и самому Константину Ипсиланти в Тильзите проявилось во всей полноте. Воспользуемся записью беседы, которая состоялась между российским монархом и французским посланником Савари: «Они (заговорщики – Б. К.) напрасно воображают, что могут меня принудить к уступчивости или обесславить. Я буду толкать Россию к Франции... Будьте спокойны на этот счёт. В конце концов должны будут подчиниться...»

Так все плоды Павла Первого по созданию российского оплота в Средиземноморье в одночасье рухнули. Русские покинули Ионические острова во второй половине 1807 года. Республика Семи соединенных островов прекратила свое существование, а сами острова надолго попали под пяту Наполеона.

За Тильзитом последовал Эрфурт. Выступая 25 октября 1808 года во дворце Законодательного корпуса, Наполеон заявил: «Я имел свидание в Эрфурте с императором российским. Первая мысль наша была всеобщий мир. Мы даже согласились с некоторыми жертвованиями...»

Лукавство последней фразы очевидно – Наполеон не изменял своим правилам: жертвовал только не принадлежащими Франции территориями. Сделав одну уступку, российский император отказался от другой и настоял на присоединении Молдавии и Валахии к России, а также установлении протектората над Сербией.

Благие намерения перечеркнул ход русско-турецкой войны, о которой участники переговаривали: «Половину года мы повторяем старые ошибки, а вторую тратим на их исправление».

Елавнокомандующими Дунайской армии поочередно побывали: престарелый Михельсон, все военные заслуги которого заключались в поимке Пугачева; елизаветинский вельможа князь Прозоровский, скончавшийся на своем посту. Некоторое время возглавлял обескровленную в сражениях армию князь Багратион, которого сменил Каменский 2-й⁸, отличившийся в закончившейся шведской войне. Кампания 1810 года увенчалась полным успехом, благодаря помощи России на сербской земле не осталось ни одного турка. Русская армия, освободив Северную Болгарию, готовилась к походу на Стамбул, как неожиданно грянул царский указ: пять дивизий (из десяти!) ввиду неизбежной войны с Наполеоном перевести с театра военных действий в Россию. Каменский 2-й сник, захворал и, понимая, что только чудо может спасти армию, покинул ее.

Свершил чудо Михаил Илларионович Кутузов, израненный и поседевший в войнах с турками и отменно знавший психологию противника.

Победы под Рущуком, Исмаилом сломили упорство Турции. Начались мирные переговоры, которые длились целых шесть месяцев. Лишь одна цель из многих, которые ставились в начале кампании, самой длительной в истории русско-турецких войн, была достигнута: Сербия получила автономию. Приращение Российской империи по Бухарестскому миру 16 мая 1812 года оказалось незначительным. Ни придунайские княжества Молдавия и Валахия, ни Болгария, а тем более Греция никаких выгод из шестилетней кровавой борьбы России и Турции не получили. «Гроза двенадцатого года» и вовсе сняла восточный вопрос с повестки дня на долгий срок.

⁸ «Новое политическое правление для народов Румынии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдавии», издана подпольно в Вене в ноябре 1797 г.

Глава 3. Из варяг, славян, турок и прочих в греки

Константин Великий⁹, правитель Священной Римской империи, осуществив свою задумку о переносе столичного града на берега Мраморного моря¹⁰, вовсе не предполагал, что город, поименованный в его честь, ожидает роковая судьба. Без сомнения, во многом на это повлиял выбор места – оживленного морского перекрестка торговых путей, ведущих из Понта Эвксинского¹¹ (Черного моря) в Русь и Скандинавию, в страны Полуденного Востока (Азию) и, конечно, в Европу, а также в римские владения в Северной Африке.

Уже в 668 году «Второй Рим», как называл Константинополь его основатель, почувствовал, что его безмятежному существованию и процветанию наступил конец. Шквал арабского нашествия подкатился под его стены, но получив достойный отпор, разбился на мутные потоки, которые спустя много лет в итоге поглотили могущество Византии.

Один из эпизодов этого неудавшегося приступа вошел во все турецкие предания и стал отправной точкой в создании Османской империи. А произошло следующее. Якобы в сражении под стенами Константинополя погиб Эюб, знаменосец Магомета. Турки, взяв Константинополь после длительной осады в мае 1453 года, нашли это святое место и поставили мечеть, под покров которой поместили меч первого султана империи Османа¹².

Мы несколько нарушили хронологию набегов на Константинополь и потому возвратимся в ГХ – Х века, когда воинственные возгласы варягов, отважных воителей, мореплавателей и не гнушавшихся ничем грабителей, сотрясали бухту Золотой Рог. Незванным пришельцам Константинополь попросту давал откуп. Древняя Русь, хотя и располагалась на протяженном пути «из варяг в греки», а дружины русичей постоянно пополняли войско скандинавское в походах на Византию, все же, в отличие от примитивного варяжского шкурничества и сиюминутных выгод, имела несколько иной и к тому же долговременный интерес. Утверждать, что воинство русское не творило на греческой земле зла значит закрыть глаза на действительность. Были и разбои, были и грабежи, не предосудительные, к слову, по меркам того времени. Но были и переговоры о признании Руси равноправным партнером по торговле, а щит, прибитый киевским князем Олегом на воротах Царьграда – не что иное, как знак того, что Русь отбросила младенческие пеленки и явилась свету в образе богатыря, с которым необходимо вести дела, предпочтительно полюбовно.

Однако даже с принятием христианства презрительный термин «варварская Русь» не сходил с языка цивилизованных европейцев, которые в апреле 1204 года преподнесли единоверцам кровавый сюрприз. Вектор четвертого Крестового похода неожиданно пришелся на Константинополь, который рыцари, ведомые Болдуином Фландрским и Бонифацием Монферратским, разграбили и установили ходульную Латинскую империю, которая все же существовала более полувека.

Вот ведь какие испытания выпали на долю древнего греческого рода Ипсиланти, который упоминается со времен императорской династии Комненов, правившей Византией несколько веков. Комнены и Ипсиланти происходили из Трапезунда, римской, а затем и византийской провинции, до которой руки крестоносцев не дотянулись. В пику самозванной Латинской империи Комнены¹³ создали свою собственную Трапезундскую империю¹⁴.

⁹ Каменский Николай Михайлович, русский граф, генерал от инфантерии, сын Михаила Федотовича Каменского. Скончался в Одессе в 1811 году.

¹⁰ Константинополь основан на месте греческого полиса Византии. Столица Византии с 330 г. н. э.

¹¹ Гостеприимного (*греч.*).

¹² Меч стал символом обряда опоясывания, т. е. коронования при вступлении на трон.

¹³ Святой равноапостольный Константин Великий (род. ок. 285 г. н. э.), римский император (306–337).

Существует предположение, что семья Ипсиланти породнилась с императорской фамилией, ибо уже после изгнания латинян из Константинополя¹⁵ мы находим фамилию Ипсиланти в числе особ, приближенных к императорскому двору. Такая близость дорого обошлась высокородным грекам, и казни неизменно обрушивались на семью Ипсиланти. О печальной участи своего прадеда, князя Иоанна Ипсиланти, Александр узнал из рассказа отца. Высокородным грекам, согнанным, словно в резервацию, в один из кварталов Стамбула, Фанар¹⁶, султан дал почувствовать, что милость его безгранична. Молитесь, мол, в своих церквях Христу, обучайте детей в гимназиях, торгуйте на благо Османской империи и принимайте посильное участие в государственных делах. Без греков-драгоманов¹⁷ в пору всесилья необъятной Османской империи не обходились ни одни дипломатические переговоры, а тем более написание фирманов для неверных.

Иоанн Ипсиланти ведал едва ли не самым прибыльным и престижным делом в Константинополе — он возглавлял константинопольских меховщиков и, вероятно, являлся, как тогда говаривали, поставщиком двора Его султанского величества. В описываемое время Турцией правил Махмуд Первый, из рук которого Иоанн Ипсиланти, ставший великим драгоманом, получил фирман на княжение в Валахии. Султана Махмуда один из турецких источников характеризует как правителя, «составлявшего своею мягкостью и гуманностью исключение в ряду турецких султанов», всего лишь потому, что не погубил свергнутого Ахмета и его сыновей, и еще потому, что умер в 1754 году естественной смертью. Но едва этот «гуманный султан» заподозрил, что господарь¹⁸ Валахии¹⁹ начал гнуть свою линию и якшаться с русскими, как незамедлительно из Стамбула полетел грозный указ: «Повесить!». Что и было сотворено в январе 1737 года.

...С тех пор, когда пастух Букур соорудил хижину на одном из отлогих холмов возле реки Дилебовицы, минуло немало лет. На смену одному веку приходил другой, но притягательность места, избранного валашским пастухом, отнюдь не уменьшалась.

Вокруг саманного жилища Букура стали селиться пахари, скотоводы, вопрошавшие при первом рукопожатии основателя вольного поселения: «Букур еш ты?» Так поселение обрело свое имя, а с годами превратилось в многолюдный христианский город, своеобразие которого подчеркивали храмы, церкви, монастыри, боярские особняки и великолепные хоромы валашского господаря.

Безбедному и мирному течению жизни в Бухаресте, казалось, не будет конца, если бы не одно обстоятельство: Валахия влекла Турцию словно лакомый кусок. Свои набеги турки осуществляли с особым постоянством и с неизменной жестокостью грабителей оставляли после себя выжженную пустыню. Изрядно доставалось и Бухаресту.

Но назло оголтелой силе Бухарест всякий раз возрождался из пепла, и наконец в Стамбуле смекнули, что Валахия, платящая постоянную дань, гораздо приемлемее, нежели отряды восставших гяуров, т. е. неверных, сотрясавших непокорностью устои Османской империи.

Правители Стамбула, не мудрствуя лукаво, не гнушались извечным правилом тиранов «Разделяй и властвуй», и княжеский престол в Валахии стал принадлежать грекам-фанариотам. Рабы правили рабами. Господарь, избранный султаном, получал титул «светлости».

¹⁴ Территория Трапезундской империи простиралась по берегу Черного моря и доходила до Крыма.

¹⁵ 1261 год.

¹⁶ Отсюда и название «фанариот».

¹⁷ Последний из Комненов, Давид, вместе с семьей сыновьями был казнен Магометом II в 1462 году.

¹⁸ Господарь (от среднелатинского *hospitium* — дом) — господин, хозяин. Отсюда и русское «государь».

¹⁹ Турецкое господство над Валахией было установлено в XVI веке. В 1861 году объединенные княжества Молдавии и Валахии были названы Румынией.

Церемониал введения во власть происходил в Стамбуле. Султан восседал на небольшой софе и был безмолвен подобно сфинксу. Сам церемониал творил великий визир: «За твою верность и искреннюю привязанность даем тебе в управление княжество и вместе с тем надеемся на постоянную твою покорность». Новоиспеченный господарь, стоя на коленях, должен был молвить в ответ: «Клянусь моею головою употребить все силы на службе всемилостивейшего султана доколе Его величество не отвратит очи милосердия от ничтожного Его раба». А в миру, как, например, отец Александра, господари именовали себя так: «Мы, Константин Ипсиланти, воевода, Божью милостию князь страны Валахии... честным, верным моим боярам...»

Оставим за пределами нашего повествования анализ эпитетов, которые Константин Ипсиланти незаслуженно употребил в отношении вороватых и себялюбивых душевладельцев с флюгерным мышлением, однако заметим, что султанский режим даровал боярам некое подобие демократии, позволив точить ляды в молдавском и валашском диванах²⁰.

В Греции, которая находилась, как говорится, под боком у султана, человеческая жизнь не стоила и гроша. Перед всеильным и жестоким владыкой, его безмерными прихотями, всевидящим оком и карающей рукой кодзabasы²¹, греческая знать, священники, торговцы, крестьяне были равны. В Валахии кровожадный режим вынужден был ослабить вожжи, и вовсе не по своей воле. По Кючук-Карнаджийскому миру Турции запрещалось иметь войска в Валахии, а Ясский мирный договор давал однозначно понять – Россия не станет терпеть на престоле господарей, нелояльных к стране-победительнице. У султана не единожды возникала мысль проучить неверных, а у преданных ему до мозга костей янычар чесались руки. Но мощь русского оружия сдерживала прыть воинов Аллаха, чего нельзя сказать о сборщиках дани. Наглость, бесцеремонность и прожорливость их стала притчей во языцех.

Власть наместников в Валахии была номинальной, но даже и в таком урезанном виде у султана она сидела словно кость в горле. Владыке ни к чему было слыть знатоком географии – он и без карты знал, что расстояние до его вотчины значительно превышает то, которое отделяет подвластную провинцию от границ России. Бессилен он был изменить и направление розы ветров. Она с особым постоянством указывала в сторону государства, не единожды преподносившего империи насилия и зла предметные уроки. Селим III, правивший в то время Турцией, окружил незримой паутиной недоверия и слежки дворец господаря Валахии Константина Ипсиланти.

В строительство собственной резиденции Куртя-Ноуэ («Новый дворец») отец Александра вложил, без преувеличения, всю душу. Со вступлением Константина на валашский престол столица государства буквально преобразилась на глазах. Гармония камня зачаровывала, поражала практичностью. Изменился не только облик Бухареста, но и подданных. Бояре стали подражать высокородному греку в одежде, в манерах, неприличной становилась безграмотность. Конечно, было бы наивно полагать, что в отношениях между повелителем и народом царил идилия, но Константин, как мог, стремился смягчить гнет и с надеждой поглядывал в сторону России.

Между тем в самой Российской империи за четыре с небольшим года на престоле сменилось три монарха. От Екатерины Великой атрибуты государственной власти перешли к ее сыну Павлу I, а после царевубийства 11 марта 1801 года верховная власть стала принадлежать Александру I. Новоиспеченный российский монарх при вступлении на престол недвусмысленно заявил, что во внешней политике будет «продолжать следовать заветам незабвенной бабки». С первых дней правления российский император осознал, насколько непредсказуемо батюшка вел внешние дела, хотя и не забывал о судьбах единоверцев. Александр Пав-

²⁰ Переводчиков.

²¹ Старейшины.

лович исподволь готовил удар по Турции, но вынужден был действовать с чрезвычайной осторожностью и осмотрительностью. Такой же способ действий предписывался и генеральному консулу в Бухаресте А. А. Пини.

Престольные христианские праздники в столице Валахии проходили с большим размахом. В эти дни казалось, что весь город был окружен легкой дымкой ладана и погружен в мелодичные распевные молитвы. Многолюдье и блеск одеяний свиты валашского господаря создавали впечатление неудержимого солнечного потока. Затеряться в такой массе придворных было немудрено. Но соглядатаи султана зорко отслеживали каждого, кому Константин Ипсиланти оказывал чрезмерные знаки внимания. Увы, их ждало разочарование. Русский консул на всех торжествах находился на почтительном удалении от Ипсиланти и лишь изредка обменивался с ним незначительными фразами.

Но в стенах дворца, в уединении, беседы валашского господаря и русского консула длились иногда по несколько часов. Сведения, которые стекались к Константину Ипсиланти с Балкан и самого Константинополя, были настолько обстоятельны и важны, что немедленно отправлялись дипломатической почтой в Петербург.

Неудачный ход русско-турецкой кампании с бесперспективным для Валахии исходом со всей очевидностью дал понять Константину Ипсиланти шаткость его положения на престоле и неминуемые карательные меры, которые последуют с уходом русских войск из Бухареста. Помощь Валахии в обеспечении русских войск продовольствием и фуражом была огромной. Только в 1807 году, по самым скромным подсчетам, действующая армия получила 35 тысяч пудов сена.

Последовательности валашского господаря можно позавидовать. В Молдавии ему удалось сформировать и поставить под ружье земское войско.

Майор Пангало возглавил Еллиногреческий корпус, состоящий из добровольцев: греков, черногорцев, сербов. Для усиления корпуса был сформирован кавалерийский полк из валашских казаков. Главнокомандующие Дунайской армией, щедро поделившись вооружением для добровольческих формирований, увы, не спешили усилить их русскими офицерами и младшими командирами, что несомненно сказывалось на боеспособности. В конечном итоге эти пехотные и кавалерийские части, в формирование которых Константин Ипсиланти вложил немалые средства, выполняли охранные функции, а потом и вовсе прекратили свое существование.

Наместнику Аллаха на земле стало ясно, что господарь Валахии ведет двойную игру, а попросту говоря – изменник. Свою лепту в очернение князя Константина вложил и французский посланник Себастьяни. Ставленник Наполеона из кожи вон лез, чтобы пристегнуть Турцию к политике Франции. И надо отдать должное Себастьяни. Слащавыми посулами, подкупом ему удалось добиться расположения султана Селима, который одним росчерком пера поставил крест на правлении Константина Ипсиланти.

Но чтобы выманить греческого князя в Стамбул требовался веский предлог, который не вызвал бы у вассала подозрений. И он был найден.

Султан Селим сделал выбор очередной жены и приглашал валашского господаря вместе порадоваться его счастью. На тот случай, если Ипсиланти вздумает артачиться, янычарам приказано было скрутить изменника и доставить его перед грозные очи повелителя.

Пока посланцы султана, не щадя лошадей, мчались в Бухарест, в болезненном воображении Селима III возникали истязания, которым он намеревался подвергнуть Константина Ипсиланти и его близких. Однако султан и не подозревал, что и в его окружении имелись люди, преданность которых была изрядно поколеблена. Ипсиланти был далеко не прост и где подкупом, где посулами расположил к себе тех, от кого во многом зависела его безопасность. Надежные связи и на сей раз не дали осечки. Валашский господарь получил известие о грозящей беде за считанные часы до того, как она постучалась в двери дворца. Семейный

совет был немногословен. Необходимо было бежать. Куда? Конечно в Россию! Только в ней семья могла обрести убежище.

Сборы были недолгими. Кромешная темнота стала тем спасительным покровом, который дал возможность беглецам оторваться от преследователей. Погоня шла по пятам, но не выдали верные люди, ненависть к туркам была сильнее страха.

И вот, наконец, Прут. Утлая лодчонка несколько раз пересекла реку, прежде чем семейство Ипсиланти и небогатый скарб оказались на спасительном левом берегу. На правом остались лишь князь Константин и старший сын Александр. Лодочник нетерпеливо и настороженно поглядывал по сторонам, но не решался прервать разговор.

– Я покидаю свои владения без сожаления. Я правил, но не имел родины. Я служил врагам Греции, но согревал мысль об отмщении. С нею, видимо, сойду в могилу. Но что бы ни случилось, дай слово, Александр, памятью о многострадальной Элладе. Господь и Россия – наши союзники.

Едва беглецы покинули берег реки, как на турецком берегу раздалась отчаянная пальба и неистовые крики проклятий. Янычары не рискнули переправиться через Прут, опасаясь встречи с приграничной стражей. Домочадцы опального валашского господаря облегченно вздохнули и перекрестились.

Султан Селим, получив известие о бегстве Константина Ипсиланти в Россию, повелел отменно выпороть янычар, из рук которых ускользнуло семейство Ипсиланти, и в приступе безудержной ярости повелел конфисковать все владения валашского господаря, в том числе и роскошный дворец в Терапии близ Константинополя, издавна принадлежавший семейству Ипсиланти.

Но Селим III этим не ограничился. В Стамбуле доживал свой век князь Александр Ипсиланти, отец Константина, которому к моменту описываемых событий исполнилось восемьдесят лет. Не единожды Селим пытался уличить высокородного грека в двоедушии, но Александр всякий раз ускользал из цепких щупальцев всепроникающего спрута. Селим с нетерпением ждал со стороны Александра Ипсиланти существенной промашки и время от времени в целях устрашения гордого грека проводил в его окружении кровавые чистки.

С незапамятных пор пост личного секретаря Александр Ипсиланти доверил Ригасу Велестинлису. Ригас был высокообразован и имел незаурядный поэтический дар. Александр Ипсиланти рассудил, что лучшего воспитателя для внука не сыскать. Мальчик жадно тянулся к своему старшему другу и, словно губка, впитывал слова Ригаса. Проникновенные строфы бередили душу, заставляли учащенно биться юное сердце. Ведь Ригас вещал о наболевшем, о горе и страданиях греческого народа, о свободе Отечества. Не случайно, что свободолюбивые песни Ригаса распевали все Балканы.

Чашу терпения султана переполнил греческий военный гимн, начинавшийся словами: «Воспряньте, Греции народы, день славы наступил!» «Казнить, немедля казнить!» – разразился султан отборной бранью, когда ему донесли что автор «греческой Марсельезы» – Ригас.

Однако возмутитель спокойствия находился вне пределов Османской империи и проживал в Вене. Увы, прибежище оказалось ненадежным, и вот почему. Австрийский император Франц, не питавший расположения к Порте, однако с опаской взирал, как его столица превратилась в центр свободолюбия, нити из которого тянутся в Грецию. Силы, которыми располагал Ригас, были ничтожны, но их оказалось достаточно, чтобы посеять в умах ясно-вельможных панику. А вдруг пример греков-патриотов окажется заразительным для подданных Габсбургов?..

Полицейские ищейки не утруждали себя в выборе средств и прибегали к проверенному способу. Некто Икономос и «благомышленные греки» дали показания, в которых угроза сул-

тану разрослась из мухи в слона. Реакция Стамбула не заставила себя ждать. В Вену отправилась следственная комиссия, в которую входил Константин Ипсиланти.

Как Великий драгоман Порты князь, обладавший незаурядным политическим чутьем, сразу же осознал цель игры, затеянной австрийцами. За разгромом организации, которую возглавлял Ригас, непременно последовала бы всегреческая резня. «Дело Ригаса» явно было высосано из габсбургского пальца и в этом князь пытался убедить великого визиря. Всомогущий вершитель судеб был тоже не промах и, оберегая хрупкое спокойствие, установившееся в империи, стремился не навлечь на себя ни гнев султана, ни вызвать волнения. Все усилия Константина Ипсиланти по спасению Ригаса, к которому князь питал искреннюю симпатию, окончились ничем. По тайному сговору Ригас и семь его товарищей были перевезены из Австрии в Белград и 24 июня 1798 года закончили жизнь на эшафоте в Белградской крепости.

Семья Ипсиланти тайком носила траур по Ригасу и так же тайком отстаивала панихиды по невинно убиенному другу.

И вот теперь, когда мятежный господарь Валахии оказался вне предела досягаемости, Селим сорвал злость на старике Ипсиланти. Он припомнил ему все: и увлечение французской революцией, и закулисные контакты с Санкт-Петербургом, не забывал он и о наглом возмутителе спокойствия Ригасе. Старик после изощренных пыток был казнен в январе 1807 года. Известие о жестокой расправе над князем Александром застало семейство Ипсиланти в Киеве.

...В 1806 году господарь Валахии князь Константин Ипсиланти с семейством и небольшой свитой прибыл в столицу Российской империи. Испросил ли он на визит разрешение у султана или великого визиря – неизвестно. Однако в Санкт-Петербурге господарю Валахии был устроен торжественный и пышный прием, такой, какой по обыкновению устраивается главе государства.

Но ни для кого не было секретом, что на карте Европы такого государства, как Валахия, впрочем, как и Молдавия, не существует. И все же князь Константин Ипсиланти и его родня были желанными гостями и в Зимнем дворце, и во дворцах столичных аристократов. Надо признать, что господарь Валахии не уступал российским знаменитостям ни в манерах, ни в умении вести светскую беседу. Александр Павлович оказался на редкость внимательным слушателем.

Мог ли тогда предполагать Константин Ипсиланти, что спустя два года он будет слезливо просить Александра Первого об аудиенции и в этом ему под различными предлогами будет отказано? Более того, вместо столицы бывшему господарю Валахии будет предписано «избрать место пребывания в Москве».

В древней столице России семья Ипсиланти не прижилась, а в Киеве греческий князь почувствовал за собой слежку. Подозрительность Александра Первого вряд ли можно признать обоснованной. Об этом читаем в письме князя Константина: «Я лишен покровительства и свободы, которой пользовались князья Валахии и Молдавии, добровольно приехавшие в Россию. Такое ограничение предполагает какую-то вину, в которой я не могу себя упрекнуть...»

Ответ министра иностранных дел Н. П. Румянцева был обескураживающим: «...20 000 рублей ассигнациями пенсия являются [суммой] более значительной, чем та, которую в подобных случаях определялась славной памяти Екатериной II в пользу ваших предшественников». В 1809 году семейство Ипсиланти получало уже 10 000 рублей серебром²².

²² Когда русские войска вошли в 1806 году в Бухарест, гражданский управляющий, сенатор Сергей Сергеевич Кушников, стал именовать себя не иначе, как «председателем Диванов Валахии и Молдавии».

Александр Первый находился в плену Тильзитской эйфории, предоставив изгнаннику самостоятельно устраивать свою судьбу.

В одном Константин Ипсиланти не имел отказа. Уже после окончания Отечественной войны 1812 года он писал в Петербург: «Ваше величество оказал бы еще одну милость: Вы заблаговолили разрешить, чтобы Дмитрий был определен при господине генерале Раевском. Сын владеет несколькими языками, прошел полный курс математики, так что он с пользой может быть применен для такого рода службы».

Как мы убедимся далее, служба Дмитрия в адъютантах у Раевского не прошла даром.

...В одном из справочников начала 19 столетия говорилось, что губернский город Российской империи Киев расположен на восточном краю губернии, на правом берегу Днепра, на расстоянии 1554 верст от Санкт-Петербурга, в 945 верстах от Москвы и 612 верстах от Одессы. Неизвестно, каким образом обошлась бы судьба с древним русским городом, если бы не стремительное освоение юга России. Незабвенная императрица Екатерина II жертвовала земли российским вельможам, волевым решением переселяла крестьянский люд, создавала южный оборонительный пояс, поощряла торговлю. Подлинным событием в жизни Киева стало перенесение уездных «контрактов» (ярмарок) в город. Неспешное и казавшееся дремлющим бытие вдруг пробудилось от звуков бубенцов, от несмолкающего людского говора, от надрывного рева живности и гортанных криков птиц. Запестрели яркими красками улицы и торговые ряды, потянулись в город со всей округи возы, телеги и кареты вновь испеченной малороссийской знати. К великому удовольствию ясновельможных, в Киеве появилось доселе невиданное зрелище – театр. Трудami доморощенных умельцев вторую жизнь обрели древнерусские святыни – Софийский собор и Лавра.

Животворная и нетленная связь времен несомненно сказалась на решении Константина Ипсиланти навсегда обосноваться в Киеве, а в одном из писем Александру I он высказал пожелание, чтобы сыновья Александр, Николай и Георгий поступили на военную службу.

Можно утвердительно сказать, что оставаться простым обывателем и созерцателем событий бывший валашский господарь не собирался. Между Киевом и Петербургом шла оживленная переписка, а фельдъегеря стали частыми гостями в доме Ипсиланти. Напомним, что уже второй год Россия вела войну с Турцией, и никто лучше Ипсиланти не знал подлинной обстановки, царившей в Османской империи, никто не располагал сведениями о силе и мощи турецких гарнизонов в придунайских крепостях. Константин Ипсиланти имел собственные взгляды на развитие событий и предостерегал российского монарха о возможном вторжении французских войск в придунайские княжества.

Князь явно ошибался, Наполеону требовалось, чтобы Россия как можно глубже увязла в войне против Турции и не имела возможности маневра силами. Увы, по образному выражению Наполеона, «эти собаки турки позволили дать себя разбить»²³. Партнерство Турции и Франции рухнуло и мир с Россией становился неизбежным.

Все эти долгие годы, пока на берегах Дуная шло соперничество оружия российского с турецким, Константина Ипсиланти не покидала надежда на то, что победа в войне принесет его многострадальной родине свободу. Бывшему господарю Валахии не суждено было дожить до этого момента.

Константин Ипсиланти был женат дважды. От первого брака князь имел дочь Елену, которая в дворцовых книгах валашского господаря именуется «светлейшая бейзадела». Судьба дочери устроилась неожиданно и счастливо – она вышла замуж за дипломата и археолога А. Ф. Негри²⁴.

²³ Один рубль серебром равнялся четырем в ассигнациях.

²⁴ Кутузову.

Второй избранницей Константина Ипсиланти стала Елизавета Вакареско, происходившая из знатного валашского рода. Семейные традиции – жениться только на соотечественницах, вероятно, были поколеблены обаянием и жизнелюбием Елизаветы, на долю которой выпало завидное счастье иметь двух дочерей-красавиц: Екатерину, которая была замужем за гражданским губернатором Бессарабии К. Катакази, и Марию, фрейлину императрицы Елизаветы Алексеевны, а также пятерых сыновей – героев и изгоев.

Глава 4. На службе России

...Полковой писарь Федор Сотин обмакнул перо в чернильницу и оглядел с ног до головы юношу, стоявшего перед ним. Юноша представился: «Александр Ипсиланти» – и протянул прошение, на котором стояла размашистая императорская резолюция: «Зачислить в кавалергарды с чином корнета»²⁵.

Писарчук аккуратно вписал это звание в графу «Чины». Русские дворяне, имевшие древнюю родословную, поступали в полк с низшим офицерским чином. А дальше уж как Господь повелевал и, конечно, император. Царь чествовал гвардейцев, ценил в них удаль и отвагу, сквозь пальцы смотрел на проделки и непременно поощрял отличившихся. Александру Ипсиланти же покровительствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна – ее имя в списке полка значилось в числе первых.

Писарь продолжил заполнять послужной список, и когда дошел до графы «Образование», то получил от юноши следующий ответ: «Я имею только домашнее образование». Это означало, что греческий князь «по-русски, по-немецки, по-французски и по-молдавски читать и писать умеет и алгебры знает». Писарь не стал вдаваться в подробности, а так бы наверняка выяснил, что не заграничные учителя определили взгляды и симпатии вновь испеченного кавалергарда, а незабвенный Ригас.

Среди частей русской гвардии Кавалергардский полк занимал особое положение. О кавалергардах петербуржцы поговаривали в шутку: голубая кровь, дескать, течет в жилах не только у них, но и у лошадей. «Настоящий кавалергард должен быть без страха и упрека» – таков был девиз полка, шефом которого являлся граф Федор Петрович Уваров. Лихой кавалерийский рубака и опытный военачальник, на счету которого имелось немало славных боевых дел, имел перед государем заслугу особого рода. В роковой день 11 марта 1801 года он, флигель-адъютант, дежурил у комнаты наследника. А когда Павел I пал от рук заговорщиков, Уваров взял на себя охрану юного российского монарха, помог ему перебраться из Михайловского замка в Зимний дворец, повсюду сопровождал Александра Павловича. Уваров, пожалуй, единственный из заговорщиков, к которому император на протяжении всего царствования сохранил ровное отношение и благосклонность.

22 ноября 1808 года вошло в жизнь Александра Ипсиланти как святой и торжественный день. Посвящение в кавалергарды и вручение именного оружия, по традиции, было приурочено к христианскому празднику – тезоименитству святых Захария и Елизаветы – отца и матери Иоанна Крестителя, небесных покровителей кавалергардов. В полковой церкви на литургии хор певчих провозгласил: «Многая лета!» и юный кавалергард, слегка волнуясь, повторил за командирами слова присяги – присяги на верность России.

Какие мысли пронеслись в голове Александра Ипсиланти, когда на посвящении он поцеловал Евангелие и Распятие? Отныне он вступал в жизнь, где превыше всего были законы воинской чести, где офицера ценили за мужество, за ратное мастерство.

Не следует забывать, что Александру было без малого шестнадцать лет от роду и рядом с теми, кто познал вкус боевой жизни, он выглядел неоперившимся юнцом. И тут на помощь пришли товарищи: Михаил Лунин, носивший в петлице орден св. Анны IV степени за участие в битвах при Еейльсберге и Фридланде; князь Сергей Волконский, чье мужество во второй войне России с Францией было оценено орденом св. Владимира IV степени и шпагой с надписью «За храбрость»; Михаил Орлов – чудом оставшийся в живых в Аустерлицкой и

²⁵ Е. К. Негри, урожд. Ипсиланти (1788–1837). Пушкинская дорожка в Некрополе Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Фридландской бойнях; князь Петр Лопухин²⁶, произведенный в поручики за Прейсиш-Эйлау Александр Ипсиланти мужал на глазах, постигая сложную и мудреную науку верховой езды, стрельбы, рубки в конном строю. Кавалергарды соперничали в удали, в джигитовке, являлись неперенными участниками высочайших смотров и парадов. Между разводами, караулами и боевой учебой шла жизнь буйная, кипучая, с неизменными шумными вечеринками. В часы «святого безумства» искрометные шутки чередовались с розыгрышами, импровизированные хоры славили Бахуса, проникновенно и задушевно звучала поэтическая лира.

Ради Бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!

Жизнь летит, не осрамися,
Не проспй ее полет.
Пой, люби да веселися –
Вот мой дружеский совет.

Удалые, бесшабашные стихи Дениса Давыдова вызывали бурю восторга и гвардейцы, ничтоже сумняшесь, действительно следовали советам бывшего кавалергарда. Но лишь немногие знали, что в комнатах, занимаемых Михаилом Орловым, звучали иные стихи и иные песни. Собрание масонской ложи «Палестины», куда входили друзья Ипсиланти, неизменно начинались с гимна, написанного Василием Львовичем Пушкиным:

Servir, adorer sa patrie
C'est le devoir d'un bon mazon²⁷

в ложе «Палестины» считается 4 марта 1809 года. Отличительный знак ложи – миниатюрный золотой меч с выгравированным девизом: «Pro Deo Imperatore et Fratribus» («За Бога, Императора и Братьев»). Появление меча в символике ложи было не случайно. Он означал борьбу, защиту невинных и власти ордена судить и казнить изменников. К моменту принятия в ложу Александра Ипсиланти, она насчитывала около восьмидесяти человек. Во главе ложи стоял видный аристократ, царедворец и меценат граф Михаил Юрьевич Вильегорский.

Ипсиланти с пылом, присущим молодости, жадно впитывал мысли «братьев», пытался проникнуть в суть таинственных и загадочных ритуалов. Однако юный греческий князь вряд ли подозревал, что ложа «Палестины» – часть обширной и разветвленной системы, корнями уходившей во Францию. Вильегорский умело скрывал это, иначе ему было бы несдобровать – Россия находилась на пороге очередной войны с Наполеоном. Бульпая часть русского общества расценивала Тильзитский договор как хрупкую кладочку, разделявшую мир от войны. В июне 1812 года она рухнула под тяжестью шестисоттысячной армады, и наполеоновские полчища, сея смерть, устремились вглубь страны.

²⁶ Корнет – младший офицерский чин в кавалерии.

²⁷ В предисловии к «Сборнику биографий кавалергардов» (1901) С. Панчулидзе упоминает 18 фамилий офицеров-кавалергардов – участников декабрьского вооруженного восстания 1825 года, сопроводив их таким комментарием: «Биографии этих лиц, как участников „14 декабря“, полк решил не помещать в своем „Сборнике“. Пусть судит их история, но политика не дело воина. Вступая на политическое поприще он нарушает свои священные обязанности; изменяет своему долгу перед Престолом и Отечеством». Биографии братьев Ипсиланти: Александра, Николая и Дмитрия помещены в 3-м томе.

...Мы оставили нашего героя 20 июля 1812 года, в ночь перед очередным сражением. Увы, в этот день удача отвернулась от Кульнева. Авангард, которым он командовал, попал в засаду. С узкой дороги не свернуть, ни вправо, ни влево, не построить каре. Кульнев послал Ипсиланти за подмогой, а сам, замыкая отступление, стремился отойти к Сивошино. Вот спасительная Дрисса. Переправа. И тут свершилось непоправимое – французское ядро угодило в ноги Кульневу. Генерал рухнул как подкошенный и едва успел вымолвить: «Друзья, спасайте Отечество...», как испустил последний вздох.

Похоронили героя на высоком берегу Дриссы, невдалеке от почтовой станции, где Яков Петрович увидел свет Божий. Ипсиланти не сдерживал слез, не сдерживали слез и бывалые гродненцы.

«Свирепый пламень брани» навсегда стал символом гусар, а полк императорским указом стал именоваться Гродненским гусарским генерала Я. П. Кульнева полком²⁸. По старшинству командиром гродненцев стал полковник Федор Васильевич Ридигер²⁹.

Горечь утраты не затмила разум Ипсиланти. Воюя рядом с Кульневым, греческий князь прошел такую боевую школу, которой мог бы позавидовать любой офицер.

Начиная с августа эпицентр военных событий на петербургском направлении переместился к древнему славянскому городу Полоцку, который французы заняли в июле без боя. 6 августа Витгенштейн предпринял попытку выбить неприятеля из города. Она вполне могла закончиться полным поражением, если бы не гродненцы, которые, прикрывая отступление главных сил, жалили преследователей, словно осы.

В реляции, представленной Ридигером графу Витгенштейну, упоминался и Александр Ипсиланти, который участвовал в отбитии от неприятельских рук наших орудий «и за подвиг сей примерно заслуживает награды».

Орден святого равноапостольного князя Владимира был учрежден Екатериной Второй 22 сентября 1782 года и имел четыре степени. Александр Ипсиланти получил орден из рук командира корпуса графа Витгенштейна и дорожил этой боевой наградой, пожалуй, более, чем остальными. Еще бы! Ведь она была первой, а девиз ордена: «Польза, Честь и Слава», как ничто иное, отвечал высоким помыслам греческого князя.

Один из участников сражения за Полоцк, которое началось 6 октября, вспоминал: «Пусть представят себе город сей, окруженный со всех сторон палисадом и рвом, а с западной стороны речкой Полотой, текущей внизу ужасно глубокой рывтины, через которую сделан токмо деревянный мост, как над пропастью висящий и примыкающий к самому городскому въезду, прорытому сквозь весьма высокую гору, с сей стороны город совершенно закрывающую, которая по обеим сторонам была укреплена наверху батареями, а внизу шансами для ружейного огня...» Пройдут годы и народ назовет этот мост Красным, не по красоте творения безымянных мастеров, а по обильно пролитой на нем крови.

Бои в Полоцке шли за каждую улицу, каждый дом. Вот где пригодилась наука Кульнева! Натиск, натиск и еще раз натиск! И под напором гродненцев французы побежали из города. Участие Ипсиланти в этом кровопролитном сражении было отмечено императорским указом, а наивысшей наградой стала сабля с надписью «За храбрость».

Необходимо сделать небольшое отступление. Все представления к боевым наградам составлялись в штабах корпусов и подписывались их командирами. Из императорской канцелярии они выходили в виде именных указов, которые неизменно заканчивались стереотипной фразой: «Пребываю к Вам благосклонным. Александр». Но ведь мы-то знаем, что Ипсиланти ослушался государя, а своевольства Александр Павлович, который, по образу и подобию высказыванию современника, частенько употреблял «кнут на вате», не терпел, а тем

²⁸ «Обожать свою Родину, служить ей – вот долг истинного каменщика» (фр.).

²⁹ 6 июля 1813 года.

более не поощрял. Нам известно и то, с какой неподдельной любовью Александр Первый относился к матушке Марии Федоровне, сверяя с ней сокровенные чувства и помыслы. Греческий князь был любимцем вдовствующей императрицы Марии Федоровны и, вероятно, она-то и уговорила сына сменить гнев на милость. «Берегите себя» – вот смысл собственноручной записки, приложенной к императорской награде, бриллианты на которой переливались всеми цветами радуги.

17 октября 1812 года последовал очередной указ Александра Первого о производстве Ипсиланти в чин штаб-ротмистра. Чашники, Смоленцы и, наконец, Березина – слово, которое стало синонимом крушения захватнических планов императора Франции.

...Посреди разбитой рати
Едет вождь ее, привыкший
К торжествам лишь да победам...
В пошевнях на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно
Полный гордости и славы...³⁰

Гродненцы вместе со всей армией вошли в Вильно, куда 25 декабря 1812 года приехал со свитой Александр Первый. В этот же день был обнародован императорский манифест. Имелись в нем и такие слова: «...Спасение России от врагов, столь же многочисленных силами, сколь злых и свирепых в намерении и делах, совершенное в шесть месяцев всех их истребление, так, что при самом стремительном бегстве едва сама малейшая токмо часть оных могла уйти за пределы наши... есть поистине достопочтенное происшествие, которое не изгладят века...»

Радость победы была безмерной, но шел пост, а презреть христианскую традицию даже в такой светлый день, когда с уст солдат и офицеров не сходило желанное слово «Виктория!», считалось в армейской среде верхом неприличия. Зато в рождественскую ночь 1813 года победители сполна отвели душу. Гродненцы исключением не являлись. Звучали тосты, вино лилось рекою. Только вот на офицерском застолье штаб-ротмистр Александр Ипсиланти отсутствовал. Греческого князя вытребовал к себе император.

Нам не известно содержание беседы государя и Ипсиланти. Но 7 января 1813 года, выполняя волю российского монарха, русская армия (а с нею и Гродненский гусарский полк) перешла Неман с целью «спасти Европу от их общего притеснителя». В заграничном освободительном походе одним из батальонов гродненцев командовал ротмистр Ипсиланти.

Один из сослуживцев греческого князя писал на родину: «Сколь война сия ни была кровопролитной, но мы охотно желаем еще сражений, чтобы получить твердый мир для отечества нашего. Мы оставили Россию и идем теперь в иностранных землях, но не для завладения оными, а для их спасения».

Какое-то внутреннее чувство подсказывало Ипсиланти, что все жертвы и потери России окажутся напрасными, уж слишком непостоянны были «союзнички»: австрийцы и пруссаки, не единожды битые Наполеоном и втянутые «корсиканским чудовищем» в войну против России в 1812 году. Кутузов, Раевский, Милорадович, мнением которых бесконечно дорожил Ипсиланти, в один голос предлагали Александру Павловичу «вложить меч в ножны». Однако их голоса оказались голосами вопиющих в пустыне. Заграничный поход продолжался.

³⁰ С 1824 года – Клястицкий генерала Кульнева полк.

16 апреля 1813 года в Бунцлау скончался спаситель России, светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. В Александре Павловиче вновь выиграло честолюбие стратега. Неудачи не заставили себя ждать.

Одну за другой Наполеон надавал веских оплеух союзным бездарностям под Лютценом и Бауценом³¹. Сражение под Дрезденом, проходившее с 13 по 15 августа 1813 года, вновь показало, что ведомые иностранцем, австрийским фельдмаршалом Шварценбергом, союзные войска уповают лишь на Бога и русских.

Незадолго до этого сражения император Александр Павлович пожаловал Александра Ипсиланти в подполковники³². Пирушку по такому случаю отложили до победы под Дрезденом. Увы, виктория не состоялась, более того, битва едва не завершилась разгромом³³. Однако обо всем по порядку.

Три дня над обширной равниной, которую серпантиновой лентой пересекала Эльба, близ стольного града Саксонии, который в Европе величали не иначе как «столицей искусств», витийствовал гений Наполеона. Презируя австрийцев и пруссаков за малодушие, великий полководец направил удар на левый фланг, где располагалась прусская пехота. Прикрывала ее русская кавалерия, в составе которой находились гродненские гусары.

Два дня чаша весов оставалась непоколебимой, два дня подполковник Александр Ипсиланти не слезал с коня. Атаки неприятеля следовали одна за другой. В пылу боя Ипсиланти не единожды бросал взгляд на высотку, на которой находились император Александр Павлович, главнокомандующий Шварценберг и генерал Моро, переметнувшийся на сторону союзников. По легенде, французский военачальник был убит ядром наповал выстрелом из пушки, прицел которой установил сам Наполеон.

На третий день сражения он руководил лично артиллерийским боем. Пруссаки дрогнули и ударились в бегство.

Напомним, что греческий князь «по-немецки читать и писать умел», и уж конечно умел изъясняться на родном языке пруссаков. Однако все его попытки и призывы к солдатской совести и отчаянный русский мат успеха не возымели. Пруссаки бежали в тыл без оглядки.

Ридигер перегруппировал арьергард. Эскадронные командиры встали в голову строя. Прозвучал сигнал трубы и команда: «Шашки, на высь!» – и тут случилось непоправимое. Ипсиланти уже после того, как оправился от раны, рассказывал, как он услышал свист, затем последовал удар в кисть правой руки, а вместе с ней сабля взвилась в воздух. Но конь уже нес седока в атаку.

Господь хранил Ипсиланти. Культия невероятно кровоточила и полковому лекарю с превеликим трудом удалось остановить кровь.

Злосчастные слова «калека» и «инвалид» поедом ели его душу, прочно вцепились в помыслы о будущем. Вывело Ипсиланти из такого состояния послание императора и указ о производстве в полковники. Не остался в стороне и король Пруссии Вильгельм III, наградив отважного офицера орденом «За заслуги». Однако дальнейшее участие Ипсиланти в Заграничном походе было сомнительным. Рана заживала невероятно медленно. Писать бегло левой рукой греческий князь так и не научился.

«Париж пал!»³⁴ – эта весть застала Ипсиланти в Карлсбаде, где он залечивал тяжкую рану. Князь искренне сожалел, что не смог вместе с гродненскими гусарами, которых вел

³¹ Майков А. «Сказание о 1812 годе» (1876).

³² 18 июня 1815 года.

³³ Потери союзной армии составили более 25 000 человек.

³⁴ 20 апреля 1813 года А. Ипсиланти за участие в этом сражении был награжден орденом св. Анны II степени. Девиз ордена: «Любящим правду, благочестие, верность».

Ридигер, участвовать в небывалом торжестве – победном марше союзных войск от Сен-Мартенского предместья к центру Парижа по Елисейским полям.

Словно вихрь пронесли над Европой фантастические сто дней, когда Франция вновь оказалась во власти Наполеона. Отгремело эхо Ватерлоо³⁵, где Веллингтон и Блюхер не оставили камня на камне от военного гения величайшего полководца Европы.

Грустные думы одолевали Ипсиланти. Что его ожидало? Почетная отставка, пенсия, небольшой земельный надел с несколькими десятками крестьян, размеренная жизнь помещика с извечными заботами об урожае, наездами к соседям и сватовство к одной из провинциальных красавиц. Вот с такими невеселыми мыслями Ипсиланти прибыл в Петербург.

По правилам прохождения службы все офицеры, прибывшие в столицу Российской империи, должны были представиться царю. В одной шеренге с полковником Ипсиланти стояли незнакомые офицеры, боевые медали и ордена на мундирах которых – лучшая визитная карточка ратных подвигов. Они с удивлением и сочувствием поглядывали на Ипсиланти и на рукав правой руки, пустой от локтя. Ни честь императору не отдать, ни рукопожатием обменяться.

Ипсиланти чувствовал себя неловко, однако все разрешилось просто и по-русски. Александр Павлович появился в зале в сопровождении адъютантов, военного министра Коновницына и министра двора князя Волконского. Император подошел к Ипсиланти, стоявшему посередине, без слов обнял и поцеловал греческого князя.

– Благодарю вас, князь, за службу... К гродненцам рветесь? Сие похвально... Петр Петрович, – обратился Александр Первый к Коновницыну – Приказ о назначении Ипсиланти командиром Первой гусарской бригады готов? Командир дивизии генерал Пален на сей счет распоряжение получил?

– Точно так, ваше величество, – последовал ответ военного министра.

– Памятуйте, князь, что вакансии моего адъютанта для вас всегда останется свободной.

Так полковник Ипсиланти вновь оказался в тех самых краях, где некогда получил боевое крещение.

Любопытную зарисовку оставил один из сослуживцев полковника Ипсиланти. «В исходе 1815 года по окончании великой борьбы с Наполеоном войска наши возвратились в Россию и расположились на зимних квартирах. В продолжение зимы отдыхали солдаты и лошади, последние от избытка корма обилились жиром...»

1-я гусарская дивизия, в формирование которой Ридигер, ставший к тому времени генерал-майором, приложил немало сил, расположилась на западных границах империи, а одной из бригад, первой, в составе Гродненского и Елизаветградского гусарских полков было предписано дислоцирование близ Пскова. Императорским указом командиром Первой гусарской бригады был назначен полковник Александр Ипсиланти.

Жизнь российских провинциальных городов на глазах преображалась, когда согласно сухих строчек приказа по армии пехотные полки и кавалерийские части «располагались на постой квартирно-бивачным порядком». А уж если город заполучал на постой удальцов-гусар, то в затрапезное бытие врывался вихрь балов, на которых под чарующие звуки музыки завязывались мимолетные романы. Балы чередовались с хлебосольными застольями, на которых рекой лилось вино, звучали разудалые песни, которые сменялись былями и небылицами о жарких баталиях, незабвенных героях, и тогда все обращались в слух, сопровождая ахами и охами рассказы отважных воинов.

Когда Александр Ипсиланти был назначен командиром бригады, ему исполнилось двадцать три года. «Какой уж тут «отец гусар»?» – может усомниться несведущий, считая императорский указ досадной оплошностью. Заполучить в таком возрасте два полка лихих кавалерийских полков...

³⁵ 18 июня 1815 года.

леристов численностью более полутора тысяч человек, занять в своем подчинении более сотни офицеров, взвалить на свои плечи груз забот по обеспечению всем необходимым для нормальной жизни – редчайший случай в русской армии.

Однако, к чести сослуживцев, зависти к греческому князю никто из них не испытывал. Не в шарканьи ножкой по дворцовому паркету, не в мелочных интригах, не прекращавшихся даже на войне, полковник Ипсиланти заслужил эту должность. Всё и вся творилась на глазах боевых товарищей, с которыми Ипсиланти делил ратные труды и был неременным участником офицерских посиделок с безобидными розыгрышами и искрометными шутками. За карточным столом полковника никто не видывал, а вот танцором Ипсиланти был великолепным.

Но весельчак и балагур полковник Ипсиланти становился непреклонным, когда речь заходила о поставках фуража, когда хозяева пытались драть три шкуры с постояльцев, когда кто-то из провиантских запускал руку в солдатскую казну.

Ипсиланти многое перенял у Кульнева и Ридигера, боевой опыт которых вошел в приказы и наставления российской кавалерии. Нет, вовсе не канцелярщина породила такие строки: «Никогда не при каких обстоятельствах, не теряя из виду заботы о сохранении сил, здоровья людей и лошадей, не следует, однако, приносить в жертву этой заботе условия безопасности и боевой готовности...»

Излюбленный принцип верного арапа Александра I, графа Аракчеева: «двух забей, третьего выучи» так и не смог в послевоенное время вытеснить подлинно боевую учебу в гусарских полках, бригадах, дивизиях. Штаты частей и соединений легкой армейской кавалерии менялись с завидным постоянством. В описываемое время гусарский полк курировал шеф, за ним шел полковой командир, штаб-офицеров – 6 человек, обер-офицеров – 33 человека, количество унтер-офицеров доходило до 60 человек, рядовых гусар – 640 человек, пеших солдат – 100 человек, трубачей – 17 человек. Количество строевых лошадей колебалось от 670 до 750. Соответственно, все цифры для подсчета количества воинов и лошадей в гусарской бригаде следует умножить на два.

Курировал российскую кавалерию брат императора, генерал-инспектор великий князь Константин Павлович. Воякой цесаревич был никудышным. Из действующей армии его гнали то Кутузов, то Барклай-де-Толли, к тому же и организаторские способности у великого князя напрочь отсутствовали.

Только в 1816 году с большим скрипом вышли в свет две небольшие брошюры: «Эскадронный устав» и «Школа кавалерийского солдата», которые лишь сгладили огрехи в подготовке кавалеристов.

С офицерами был полных швах. Все становление гусарских командиров укладывалось в принцип: «Делай, как я!». Можно представить, что творилось на душе Александра Ипсиланти, когда попытки превратить бригаду в слаженный организм оборачивались неудачей.

Кое-как боевым генералам удалось добиться распоряжения, чтобы офицеры периферийных полков учились уму-разуму у гвардейцев-кавалеристов. «Для узнавания порядка службы» Ипсиланти поручил отобрать офицеров, что говорится, не нюхавших пороха, и вскоре пять безусых корнетов отправились в Петербург, где в течение года постигали мудреную кавалерийскую науку.

В январе 1816 года в жизни Александра Ипсиланти вполне мог произойти крутой поворот. Мы знаем, какое живое участие принимала в судьбе греческого князя императрица Мария Федоровна. Имя «юного инвалида», жертвенно служившего своему второму Отечеству и вызывавшего всеобщий интерес и сочувствие, нет-нет, да и возникало на устах вдовствующей императрицы. Сын «проявил милость» и повелел Александру Ипсиланти прибыть в Санкт-Петербург и приступить к исполнению обязанностей флигель-адъютанта.

В высочайше утвержденном положении говорилось: «Назначать во флигель-адъютанты умных, трудолюбивых, храбрых молодых людей».

Сохранилось свидетельство Р. С. Стурдзы (в замужестве графиня Эделинг), дочери первого гражданского губернатора Бессарабии, на глазах которой вырос Александр: «Ипсиланти отличался легкомыслием и леностью к умственным занятиям, помешавшим ему в развитии драгоценных задатков, данных ему природой».

Роксана Скарлатовна явно запечатывала, что домашнее образование Александру продолжить было не суждено. Его университетами стали лейб-гвардии Кавалергардский полк, поля сражений Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода. Оспаривать же такие качества греческого князя, как трудолюбие и храбрость, означало наводить тень на плетень.

...В камер-фурьерском журнале Александра I за 1817 год фамилия Ипсиланти упоминается всего один раз. О чем вели беседу Александр Павлович и Александр Константинович – сокрыто за семью печатями. Однако уже 12 декабря 1817 года последовал императорский указ о производстве полковника Ипсиланти в генерал-майоры. И в этом же месяце мы находим приказы по 1-й бригаде 1-й гусарской дивизии за его подписью. Генерал-майор в 25 лет, герой, обласканный царствующей фамилией! Кому угодно такой взлет вполне мог вскружить голову, а Ипсиланти рвется в свою стихию, в заштатный городишко на окраине Российской империи. Необъяснимо! Гусары же по достоинству оценили сей поступок, который не вписывался в прокрустово ложе логики придворных служак, а генеральские эполеты обмывали едва не неделю.

...В 1819 году Александру Первому удалось склонить английского художника Джорджа Доу к осуществлению грандиозного замысла – созданию военной галереи в Зимнем дворце.

У русского царя в чертогах есть палата
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен.
Ни плясок, ни охот, – а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года...³⁶

Пушкин, перу которого принадлежат эти строки, был невероятно удивлен, когда среди портретов героев Отечественной войны 1812 года³⁷ обнаружил тринадцать (!) зияющих пустотой ниш, затянутых зеленым шелком. Изображений этих генералов найти не удалось: такова причина, на которую ссылались Доу и его трудолюбивые помощники А. В. Поляков и В. А. Гелике.

Об участии одного из персонажей, с которого предстояло написать портрет, сохранилось предание. Просматривая списки участников Отечественной войны, Александр Пер-

³⁶ 18 марта 1814 года.

³⁷ Пушкин А. С. «Полководец».

вый, делая пометы неизменным красным карандашом, внезапно расшвырял и несколько раз зачеркнул имя «Александр Ипсиланти»...

Глава 5. В годину тяжких испытаний

Предки киевского генерал-губернатора Михаила Андреевича Милорадовича обосновались в Малороссии после Полтавской баталии. Выходцы из Сербии, изрядно пострадавшие от притеснений турок, питали надежду на то, что милости, обещанные российским монархом, не окажутся пустым звуком. Петр Первый был хозяином своего слова, а Милорадовичи преданно и верно служили России шпагой и занимали видные посты в управлении малороссийскими землями. Указ Александра Первого от 30 апреля 1810 года о назначении на пост генерал-губернатора стал полной неожиданностью для боевого генерала. Однако такое назначение вовсе не было неожиданным. В Швейцарском походе, где «горные орлы парили ниже соколов российских», Милорадович неимоверной отвагой заслужил право стать вровень с суворовскими чудо-богатырями. Великий князь Константин Павлович, который был отправлен отцом, императором Павлом Первым, в действующую армию, что говорится, «понюхать пороху», ничем себя в боях и походах не проявил. И Константин, вероятно, чувствуя свою ущербность на ратном поприще, тянулся к людям, чей авторитет в армии был завоеван потом и кровью. Так великий князь и боевой офицер стали добрыми друзьями. Свидетельство тому – роскошная шпага, на эфесе которой красовалась надпись: «Другу моему Милорадовичу».

С этой шпагой Михаил Милорадович шел в бой против верховного визиря, отряд которого по численности превосходил авангард русских более чем в два раза.

13 декабря 1806 года стольный град Валахии выглядел, словно в дни светлого христианского праздника Троицы. Господарь Константин Ипсиланти с семейством, митрополит, бухарестское духовенство и знать вышли встречать русские войска. Народ не жалел рукоплесканий и не сдерживал эмоций.

Александр по старшинству стоял по правую руку от отца и вслушивался в слова благодарственного послания русскому государю, которое зачитывал архипастырь Валахии: «Всемиловитейшему монарху российскому императору Александру Первому... движимому милосердием и состраданием к народу христианскому... надежде всех угнетенных... Сердца наши преисполнены неизреченнейшею радостью...»

Митрополит глаголил на церковно-славянском с заметным акцентом. Настал черед господаря Валахии. Слова Константина Ипсиланти о том, что решением валашского дивана генерал Милорадович был поименован «Бухарестским спасителем», потонули в восторженных возгласах.

Наверное никто из участников этой торжественной встречи не предполагал, что ход событий вновь сведет их через несколько лет в Киеве.

...Более трехсот лет³⁸ Киев обустроивал городскую жизнь по так называемому Магдебургскому праву, которое предоставляло «матери городов русских» полную самостоятельность в решении хозяйственных и судебных вопросов, даровало значительные льготы в торговле. Это обстоятельство и послужило поводом для греков-переселенцев, которые после присоединения Украины к России пользовались благосклонностью царя Алексея Михайловича, на столе которого неизменно присутствовали вина, дикий виноград и грецкие орехи.

С середины 18 века, во времена правления Анны Иоанновны, в Киеве сложилась небольшая греческая колония из торговых людей и священников. Императрица даровала им землю на Подоле, где была устроена церковь, а вскоре здесь был образован киевский

³⁸ С 1497 по 1834 гг.

греческий Екатерининский монастырь со странноприимным домом. Поэтому в незнакомом городе домочадцы князя Ипсиланти не выглядели белыми воронами.

На первых порах Константин Ипсиланти обосновался со своей большой семьей в Киеве, в доме, построенном в 1799 году для коменданта Печерской крепости Вигеля на улице Никольской. В скором времени на Печерске трудами архитекторов и мастеровых вырос особняк, куда переселилась семья Ипсиланти. В нем царили прежние обычаи, а сам бывший правитель Валахии совершал выходы на торжества и богомолье в сопровождении свиты, которая, по свидетельству современника, насчитывала 30 человек.

Как богобоязненный и глубоко верующий человек, Константин Ипсиланти посетил митрополита Киевского Серапиона, попросив освятить дом и принять под свой амфор домочадцев. Служка митрополита вел дневник. Вот одна из его записей от 17 ноября 1807 года: «Делал митрополиту визит господарь Молдавский Ипсилантий, прибывший в Киев на житие со своим семейством и сановниками... Ипсилантий говорил по французски, а переводчиком между ним и владыкою был на этот раз зять Кутузова, Толстой. При последующих визитах митрополит и господарь объяснялись по латыни».

Митрополит Серапион не гнушался визитов к высокообразованному греку, у которого не было тайн от старшего сына, Александра. Мог ли предположить владыко, что минует пятнадцать лет и имя князя Александра Ипсиланти будет не сходить с его уст, а в сентябре 1821 года он будет служить панихиду по убиенному патриарху Константинопольскому Григорию.

Частыми гостями в доме Ипсиланти, кроме военного губернатора Михаила Илларионовича Кутузова³⁹, были соседи. Да еще какие! До усадеб семейств графов Безбородько, князей Прозоровских, графов Самойловых – звучных фамилий, неразрывно связанных с екатерининским веком – было, как говорится, рукой подать.

Кутузов не единожды говорил, что беседы с князем Ипсиланти – сущий подарок судьбы, ведь будущий спаситель России сочетал генерал-губернаторские обязанности с должностью русского посла в Стамбуле, а затем и возглавил Дунайскую армию.

Милорадовичу который сменил Кутузова на киевском генерал-губернаторстве, заводить заново знакомство с князем Ипсиланти не требовалось. «Я встретился с князем Ипсиланти, бывшим господарем Молдавии и Валахии, два года перед тем поселившимся в Киеве. Его хлопоты и заботы о помощи своим покинутым подданным наивны...» – сообщал Милорадович в Петербург.

Мы вправе предположить, что грек Константин Ипсиланти и серб Милорадович в отношении судеб соотечественников, находившихся под пятой Османской империи, проявляли полное единодушие. К тому же господарь-изгнанник и генерал-губернатор могли без посредников обращаться и к российскому монарху, и к цесаревичу, когда речь шла о помощи единоверцам.

Киевляне вовсе не напрасно считали генерал-губернаторство Милорадовича⁴⁰ «золотым веком» в истории древнего русского города. В том, что это соответствовало действительности, имеется свидетельство заезжего француза графа Огюста де Лагарда, которому суждено было побывать на городских гуляниях. По традиции они проводились в Киеве 6 августа. Указ генерал-губернатора гласил: «...Всем цехам при саблях и ружьях с хоругвями выходить, и почетным гражданам в одинаковых одеяниях на лошадях выезжать и реке Днепру при освещении воды пальбу производить».

³⁹ М. И. Кутузов в 1806–1810 гг. занимал пост киевского генерала-губернатора.

⁴⁰ М. А. Милорадович (1771–1825) получил образование в университетах Кенигсберга, Геттингема, Страсбурга. Человеком «всегда добрым, веселым, неустрашимым перед опасностью, надеждой угнетенных и душой общества» называл его современник.

Далее именитые граждане и простолюдины собирались в контрактном доме на застолье, на котором тем же указом провозглашалось: «...Пить на радости, сколько кому вздумается».

Вот что запечатлелось в памяти графа де Лагарда: «...Сады были иллюминированы, в чашах деревьев были хоры музыки... В доме губернатора шел бал. Генерал открыл его, встав в пару с одной из прелестнейших особ... госпожой Давыдовой... Я познакомился с князем Константином Ипсиланти, некогда бывшим господарем Валахии и Молдавии. Он рассказал мне о своих злоключениях...»

Уже по возвращении на родину де Лагард засел за мемуары «Путешествие из Москвы в Вену»⁴¹, где красочно описал не только малороссийское бытие, но и сочно выписал образ и судьбу господаря-изгнанника. Как оказалось, не зря. Воспоминаниями наблюдательного француза воспользовался А. Дюма, и многое из того, что поведал де Лагарду князь Константин Ипсиланти, обрело вторую жизнь на страницах романа «Граф Монтекристо». Вот так в судьбе семейства Ипсиланти переплелись и правда, и художественный вымысел.

Беспощадное и содрогаящее душу слово «погорельцы» неожиданно ворвалось в Киев с пламенем пожара, который бушевал на Подоле целых три дня. Случилось это 9 июля 1811 года. Выгорел до основания весь Подол, часть Печерска. Был ли это злой умысел или роковая беспечность, осталось загадкой. Казна отпустила погорельцам 200 000 рублей, из Петербурга в Киев выехали лучшие архитекторы, которые заново перепланировали районы и занялись усилением укреплений Киева, который совсем не напоминал древний город-крепость. Война с Францией настойчиво стучалась в двери Российской империи уже с 1810 года, а киевский гарнизон более существовал на бумаге, нежели представлял боевую единицу.

Обратимся вновь к дневнику митрополита Киевского Серапиона. «12 марта 1808 года отъезд Кутузова в Молдавию. Благословение генералу. Проводы 2-х дивизий...» Надо ли говорить о том, что вся семья Ипсиланти, от мала до велика, вышла проводить на войну генерала, которому не впервой было бить турок. На сей случай княгиня Елизавета приготовила ладанку. Помогла она или нет Михаилу Илларионовичу, известно лишь Господу Богу. Но то, что победу русских войск под Рушуком⁴² праздновал весь Киев, известно доподлинно.

Наступил 1812 год. В самом его начале в Киеве произошло знаменательное событие. 30 января состоялось открытие гимназии по греческому образцу. Более сотни отпрысков киевлян засели за парты, и среди них сыновья Константина Ипсиланти: Георгий и Николай. Мальчикам к тому времени исполнилось соответственно 12 и 11 лет.

К глубокому сожалению, переписка семьи Ипсиланти дошла до нас в весьма разбросанном виде. Однако мы не вправе усомниться в обостренном восприятии изгнанниками беды, которая обрушилась на Россию в июне 1812 года. Александр, как мы знаем, отправился в действующую армию. Все молитвы оставшихся в Киеве были о его здравии и каждое официальная депеша с театра военных действий, из Петербурга зачитывалась до дыр.

Милорадович, вопреки мнению Константина Ипсиланти о том, что Наполеон вторгнется в Россию с юга, оказался прав. Великий полководец доверил действовать на этом направлении союзникам-австрийцам, к слову, не слишком рвавшимся в бой.

В начале июля 1812 года Милорадович получил царский манифест, где имелись и такие слова: «С крестом в сердце, с оружием в руках ополчимся на защиту Отечества». А вот каким образом? Манифест предоставлял Милорадовичу полную свободу действий, однако в распоряжении генерал-губернатора было всего четыре резервных батальона и полное отсутствие денег. Шляхтичи-богачи, которых в Киевской губернии было бесчисленное число, ока-

⁴¹ La Garde Chambonas (Auguste Louis Charles, Comte de Messence). "Voyage de Moscou a Vienne par Kiof, Odessa, Constantinople, Bucharest et Hermanstadt" (1824).

⁴² Известие пришло в Киев 12 декабря 1811 года.

зались скрягами. Каждую копейку, каждого рекрута Милорадович получал с боем. Норма была такова: с 500 душ – 5 рекрутов и по 50 рублей каждому на провиант.

Семья Ипсиланти ни обширными поместьями, ни тысячами ревизских душ не владела⁴³, но безо всякого сожаления княгиня Елизавета рассталась со многими драгоценностями, не пожалел денег и Константин Ипсиланти. Полное бескорыстие проявили и российские сановники, и простой киевский люд. В результате генерал Милорадович выступил из Киева, имея под ружьем 15 000 человек, которые отважно сражались под Гжатском, Бородино, Малоярославцем.

С уходом войск Киев был объявлен на осадном положении. Из умевших обращаться с оружием киевляне сформировали городскую стражу, которая денно и ночью патрулировала окрестности и несла службу в крепости.

Мы вновь обращаемся к дневнику митрополита Серапиона. «15 июля в Киев стали привозить пленных французов». Забавная история: жгучую ненависть к горе-воjakам испытывали немногие. Известное дело – отходчив русский народ от гнева, да и состраданием к ближнему от рождения наделен, друг он или враг. Уже после войны многие из военнопленных пополнили ряды прислуги и гувернеров киевской знати.

Известие о победе русских войск под Клястицами (возле Полоцка) пришло в Киев 3 августа. Семья Ипсиланти ликовала: в депеше упоминается имя Александра.

А затем наступили черные дни. В Киев один за другим стали прибывать транспорты с ранеными. Офицеров разбирали по семействам, солдат поместили в Кловском доме.⁴⁴ Не остались в стороне и домочадцы князя Ипсиланти. Постояльцы, заботу о которых взяла на себя княгиня Елизавета, поведали о Бородинской битве, о занятии французами Москвы.

26 октября пришла, наконец, долгожданная весточка от Александра, в которой он сообщил, что за взятие Полоцка⁴⁵ ему пожалована сабля с надписью «За храбрость». Радости и гордости отца и матери не было предела. Через день в Киеве по всем церквям служили торжественный молебен по случаю занятия русскими войсками Москвы⁴⁶, а 22 ноября градоначальник получил от главнокомандующего, фельдмаршала Кутузова, письмо, где говорилось: «Киеву отныне опасности не существует». Раздался всеобщий вздох облегчения. Жизнь медленно, но верно стала входить в прежнюю колею.

Подлинным событием для киевлян стал указ императора Александра I об изгнании французов из пределов государства Российского⁴⁷. А затем начался Заграничный поход, который завершился победным маршем союзных войск по Елисейским полям.

...Молчание Александра Ипсиланти становилось зловещим. В начале января 1815 года в Киеве проездом побывал граф Петр Христианович Витгенштейн, как отметил в своем дневнике митрополит Серапион, «герой видный, росту высокого, орденами обвешанный». Он-то и поведал о жестокой ране, полученной Александром Ипсиланти в сражении под Дрезденом. «Жив, жив сын...» – сопровождали молитвы к Богу князь Константин и княгиня Елизавета. А по весне объявился и сам герой Отечественной войны.

В Санкт-Петербург Александр Ипсиланти отправился не один. На семейном совете было решено: младшие братья пойдут по его стопам. Николай под диктовку старшего брата написал прошение на имя императора о зачислении в Кавалергардский полк. На уже извест-

⁴³ Уже после кончины К. Ипсиланти его наследники получили в аренду с. Недельково и фольварк Будеяновский в Подольской губернии.

⁴⁴ Всего в Киеве находилось на излечении более 1200 воинов.

⁴⁵ 5–6 октября 1812 г.

⁴⁶ 11 октября 1812 года.

⁴⁷ Это событие ежегодно отмечается в Рождество Христово Православной церковью.

ном нам приеме министр двора князь Волконский вручил Ипсиланти свиток с гербовой печатью. Императорская резолюция в точности повторила ту, с которой он вступил на порог казарм лейб-гвардии Кавалергардского полка: «Зачислить в полк с чином корнета». Государь не менял ни своих привязанностей, ни правил.⁴⁸

Отечественная война внесла значительные коррективы в дислокацию частей регулярной русской армии. Размещать части и соединения в губерниях, разоренных войной, смысла не имело. Так, 1-я армия в составе пяти корпусов расположилась в Киевской губернии, а один из корпусов 4-й, под командованием генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского, был поселен в предместьях Киева. Сам же генерал, о котором Наполеон говаривал, что «из такого материала делаются маршалы», со всем семейством занял губернаторский дом.

Дружба между бывшим господарем Валахии и генералом, чей Гренадерский корпус прошествовал 19 марта 1814 года победным маршем по поверженному Парижу, завязалась, как подобает, на одном из приемов по случаю тезоименитства Александра Первого⁴⁹. А затем домочадцы Ипсиланти и Раевских без чопорных приглашений гостевали друг у друга и рядышком стаивали на молебнах.

До войны представители царствующей фамилии Киев визитами не баловали. Русская армия совершала Заграничный поход, когда в конце марта 1813 года в древний город неожиданно прибыла небольшая кавалькада карет великой княгини Екатерины Павловны в сопровождении эскорта. Любимая сестра императора Александра Первого овдовела несколько месяцев назад⁵⁰ и, по совету матушки, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, отправилась в путешествие, которое в какой-то мере должно было ослабить тяжкое горе, выпавшее на долю молодой женщины.

Поклонение святыням помогло восстановить душевные силы, а сердечное участие людей, благоговевших перед именем ее царственного брата и искренне разделявшим ее скорбь, вывело из состояния надрыва и безысходности. Всего одна строка в ее путевых записках посвящена семье князя Ипсиланти, но она дорогого стоит: «милые и чудесные люди».

...Отправляя в начале мая 1816 года в поездку великого князя Николая Павловича, которому к тому времени исполнилось девятнадцать лет, вдовствующая императрица Мария Федоровна начертала ему список городов, в числе которых значился Киев, а также дала наставления, с какими семействами познакомиться. Среди немногих фамилий, «внушавших уважение», значились Раевские и Ипсиланти.

20 мая великий князь дал обед, на котором, судя по его запискам, он сидел рядом с Георгием Ипсиланти, его ровесником. На другой день обед был у Раевского, затем в доме Ипсиланти. Никто тогда не предполагал, что сживаются за столом с будущим российским самодержцем и что некоторые из участников застолья окажутся в противоборствующих лагерях, а судьба сыновей князя Константина и самой Греции будет целиком и полностью зависеть от единственного человека...

Николай Павлович проявил неподдельный интерес к греческой теме, вспомнили тут и неосуществленный «бабкин прожект», и Константина Павловича, несостоявшегося правителя Греции. Как мы убедимся далее, беседы великого князя Николая Павловича и князя Константина Ипсиланти не прошли бесследно.

3 июня великий князь после молебна покинул Киев. Казалось, ничто не предвещало трагической развязки, о которой читаем в дневнике митрополита Серапиона:

⁴⁸ В 1817 году князь Георгий Ипсиланти с таким же чином был зачислен в Кавалергардский полк.

⁴⁹ 30 августа. Александр – защитник людей (*греч.*). В этот день Русская православная церковь отмечает перенесение мощей блгв. кн. Александра Невского (1724).

⁵⁰ Ее муж, принц Георг Ольденбургский, скончался в Твери 15 декабря 1812 г.

«27 июня 1816 года. Господарь молдавский Ипсилантий... скорпостижно скончался в 8 часов утра, на 56 году от роду. Место для погребения было назначено в Георгиевской церкви, в углу за правым клиросом. Могила была вырыта с трудностью по причине оказавшихся под полом каменных стен и большого дикого камня. Погребение было совершено 30 июня.

Тело вынесли из дому господарского против столбовой Никольской церкви при величайшем стечении народа. 15 городских цехов приняли участие в церемонии... Литургия и отпевание были в Софийском соборе. Вдовица-княгиня была в великой скорби».

Разве были бы оказаны такие почести человеку, который попросту доживал свой век вдалеке от родины? Разве служили бы по князю панихиду в одном из древнейших соборов России, если бы он открестился от бед и напастей, отбушевавших в недалеком прошлом? Разве кто-нибудь из горожан мог упрекнуть семейство Ипсиланти в надменном барстве и пренебрежении к обычаям и традициям Киева? Конечно, нет! И потому скорбь по почившему в бозе была неподдельной и искренней.

Александр и Николай почтили светлую память родителя, приехав на сороковины. Ведь от Питера и Пскова до Киева путь немалый.

Вполне справедливо будет сделать отступление. Георгиевская церковь, в самом названии которой заложена победа добра над злом, была построена Ярославом Мудрым в XI веке. Орды Батые не пощадили ни Киев, ни христианские святыни. Однако, как только тиски татаро-монгольского ига ослабли, церковь трудами подвижников была восстановлена. Спустя год после кончины князя Константина на средства городской казны на могиле было установлено надгробие, а затем наследники князя заказали памятник.

Для богоборческой большевистской власти, питавшейся соками эфемерных западных учений, высокая духовность и памятьливость, уходящие корнями в прошлое, были словно кость в горле. С лозунгом «Бей, круши, ломай, выкручивай шурупчики!» устроители нового мира, одурманенные атеистической ложью, действительно оставляли руины и тлен там, где зиждился русский дух и царила гармония. «Объект культа», Георгиевский храм пал, словно воин, под ударами озверелых вандалов.

«Надгробие Константина Ипсиланти не сохранилось» – вещает один из официальных украинских источников⁵¹. Байки всё это! Назло наглой силе, судьба даже при таких драматических обстоятельствах хранила место упокоения князя Константина. «Стараниями прогрессивной общественности надгробие и памятник в тридцатых годах перенесли в Успенский собор Киево-Печерской лавры». Фашистские варвары немногим отличались от большевистских и не оставили от усыпальниц великих предков камня на камне. Каково же было удивление археологов, когда под обломками собора они обнаружили надгробие и памятник господаря Молдавии и Валахии. Находка имела жалкий вид и всё же надежда не покидала реставраторов – и чудо свершилось!⁵²

Злоключения Ипсилантьевского переулка, название которого появилось сразу же после кончины князя Константина и было официально помещено на карте Киева в 1869 году, продолжают и по сей день.⁵³

...Целую неделю провел в сентябре 1816 года в Киеве император Александр Благословенный. Буйство золотой осени было чарующим. Над Днепром разливался малиновый звон колоколов, радужным блеском сияли маковки церквей и православные кресты, гремели

⁵¹ Киев. Энциклопедический справочник. – К.: ГРУСЭ, 1986.

⁵² Расходы по восстановлению памятника Константину Ипсиланти взял на себя греческий Союз понтийских офицеров им. Александра Ипсиланти.

⁵³ В 2002 году Киевская Рада приняла решение о возвращении улицы Аистова (большевик, погиб в ходе восстания 1917 года) ее прежнего названия.

пушечные салюты в честь Его императорского величества, хоры певчих славили российского монарха. Александр Павлович со смирением преклонял колена в крестоцеловании, прикладывался к нетленным мощам русских святых, смиренно выстаивал литургии и выслушивал проповеди.

10 сентября Киев ожидало небывалое зрелище: император устроил смотр войскам, а вечером у корпусного командира генерала Раевского был дан бал. Танцором царь был непревзойденным...

В Георгиевской церкви, где покоился князь Константин Ипсиланти, Александр Первый, увы, побывать не удосужился. Царь своего отношения к людям не менял.

Незадолго до своего отъезда из столицы Российской империи князь Константин Ипсиланти, поблагодарив царя за живое участие в судьбах детей, высказал мысль, под которой готов был бы подписаться каждый из пяти сыновей бывшего господаря Валахии: «В соответствии с принципами, которыми я руководствовался, служа Вашей империи, я служил моей Родине: две цели, которые я всегда считал тождественными».

Глава 6. Екатеринин день

Задолго до Христа ученик Платона и наставник Александра Македонского, великий греческий философ и ученый Аристотель (384–322 гг. до Р. Х.) в понятие «добродетель» вложил неопровержимый смысл: «Добродетель – это способность поступать наилучшим образом во всем, что касается удовольствий и страданий, а порочность – ее противоположность»⁵⁴. Жизнеописание нашего героя, имя которого написано на скрижалях историй России, Греции, Турции и Румынии, невозможно без проникновения в его духовный мир, в котором, как в крынице, отражается способность личности сознательно и твердо следовать добру либо пороку.

Доподлинно известно, что едва вступив на российский престол, Александр I завел особую записную книжицу, в которую заносил имена и фамилии людей, главными качествами которых являлись лояльность и благонадежность. Князь Александр Ипсиланти в этом отношении был безупречен.

Несомненно и то, что «властитель слабый и лукавый», каковым Александр Первый виделся Пушкину в послевоенное время, пытаясь обуздать инакомыслие и недовольство, использовал проверенный способ – создание тайных масонских лож под полицейским надзором и контролируемых изнутри. «Я был масон в ложе Овидия, в Кишиневе, т. е. в той, за которую были уничтожены в России все ложи», – сообщал Пушкин после восстания декабристов В. А. Жуковскому.

В народе ведь недаром говорится: «от любви до ненависти один шаг». Нам еще предстоит рассказать и о кишиневских «братьях», и об их работах, а пока возвратимся к 1816 году, который ознаменовал пик золотого века русского масонства.

«Благодетелем и венчанным российским якобинцем» называли масоны Александра Первого, в честь которого была названа одна из столичных лож – «Александра Благотворительности к коронованному Пеликану». Звучали на собраниях «братьев» и такие восторженные строфы:

Но днесь... угодно высшей воле –
Да нас ничто уж не страшит,
Днесь с Александром на престоле
Сама премудрость восседит...

«Сфинкс, неразгаданный до гроба», Александр I оставил о себе немало загадок. Одна из них – принадлежность русского государя к масонам. А вот о принадлежности великого князя Константина Павловича к «вольным каменщикам» свидетельств в избытке. Предполагаемый правитель Греции шел вторым по списку элитарной масонской ложи «Соединенных друзей», где мастером стула был А. Жеребцов.

Инсталляция ложи «Трех добродетелей» состоялась 11 января 1816 года. Церемонию открытия возглавил «высокопочтенный брат Бебер»⁵⁵, «Соединенных друзей» представляли Жеребцов и цесаревич Константин Павлович.

В одном из протоколов ложи «Трех добродетелей» от 19 декабря 1816 года имеется такая запись: «Князь Александр Ипсиланти, генерал-майор, присоединен к 3-й степени». Напомним, что в ложе «Палестины» князь Александр долгое время значился «учеником».

⁵⁴ *Цит. по кн.:* Аристотель. Никомахова этика. – М.: Мысль, 1983.

⁵⁵ Бебер И. В. – преподаватель физики и математики во 2-м кадетском корпусе, возглавил Великую директориальную ложу «Владимира к Порядку» главной национальной ложи России.

Вполне уместно задаться вопросом: как родилось название ложи? Последователи Аристотеля, развивая теорию добродетели как степени высшего счастья, утвердили в сознании человечества четыре основных добродетели: мудрость, справедливость, мужество, умеренность⁵⁶.

Бебер в своей вступительной речи сказал: «Единство и любовь к ордену Вольных Каменщиков – суть, на коей должно быть заложено и укреплено величественное и могущественное здание... Только братья... могут воздвигнуть... духовный и невидимый храм премудрости во славу Великого Архитектора... Великого строителя Вселенной».

В ритуале приема в ложу, кроме присяги, начинавшейся словами: «Я, имярек, обещаюсь перед Богом и клянусь святым Евангелием...», обязательными были вручение знака ложи, который «братья» носили на зеленой ленте. Мастер стула и надзиратели носили голубую ленту с золотистой каймой. На знаке были перекрещенные золотые кресты, якорь, меч.

И все же почему именно ложа «Трех...», а не четырех или более добродетелей? Перечислим имена тех, кто входил в ложу, и станет ясно, что «умеренность» во всем претитла складу характеров боевых офицеров. За мастером стула, героем Отечественной войны отставным полковником П. А. Ржевским следовали по порядку «братья»: князя Сергей Григорьевич Волконский, Сергей Петрович Трубецкой, Илья Андреевич Долгорукий, Александр Ипсиланти; дворяне Матвей Иванович Муравьев-Апостол, Никита Михайлович и Александр Николаевич Муравьевы, Павел Иванович Пестель, Петр Иванович Калошин, Аврам Сергеевич Норов и другие.

Мы оставляем за пределами этой книги подробное исследование масонского движения в России и причины, которые привели собратьев Александра Ипсиланти на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года, однако нельзя не оставить без внимания сущность русского масонства.

«Избранные братья», «рыцари Востока», «князя Розового Креста» и прочая, и прочая, на протяжении многих лет создали государство в государстве, где не было места ни Православию, ни самому Помазаннику Божьему, и потому откровенной ложью веет от слов в записке видного масона графа Вильегорского, которая, побывав у военного министра С. К. Вязмитинова, легла на стол императора. Прочтем ее: «...В глазах правительства члены сего союза на счету самых верных подданных, преданных своему государю, любящих отечество и спокойных граждан, занимающихся масонством, яко приятным и полезным для ума и сердца упражнением».

Записка была подана государю не случайно. Ложа «Соединенных друзей» исчерпала себя и ее место с марта 1817 года была призвана заменить ложа «Северных друзей» с неизменными руководителями, в числе которых, как мы помним, значился брат российского императора Константин Павлович.

В полку «вольных каменщиков» в апреле 1818 года прибыло: среди посвященных в ложу – князь Николай Ипсиланти, корнет Лейб-гвардии Кавалергардского полка.

Александр и Николай Ипсиланти, масоны нижних степеней (а всего у масонов существовало 33 степени), о подлинных целях «вольных каменщиков» не знали и не могли попросту знать в силу строгой конспирации и утонченного словоблудия. За словами «свобода, равенство и братство» скрывался смысл, известный лишь избранным, внедрявшим в сознание «братьев» культ Верховного владыки, перст которого указывает на неугодных правителей. Российский монарх Александр Первый, по одной из злонамеренных заповедей, должен был распрощаться и с властью, и с жизнью. Масоны планировали убить Александра Первого семь раз!

⁵⁶ Аристотель позже расширил этот список и включил в число добродетелей кротость, щедрость, честолюбие, дружелюбие, любезность, правдивость.

Вряд ли братья Ипсиланти надолго задержались бы в своих ложах, прознай они о коварстве и губительных замыслах «вольных каменщиков». Между тем в лице видных русских масонов Александр Ипсиланти нашел благодарных слушателей. На собраниях ложи он без обиняков мог говорить о Греции и ее многострадальном народе, свобода которого, по его словам, «не единожды являлась ему в радужных снах».

Жизненные пути братьев князя Александра по ложе «Трех добродетелей» в скором времени разошлись, но судьбе было угодно, чтобы они встретились еще раз, другой...

«В Киеве тогда (в 1820 году – *Б. К.*) жил со своей семьей Н. Н. Раевский, – вспоминал бытописатель Малороссии С. Сулима, – командуя 4-м корпусом 1-й армии, штаб которого находился также здесь. То было веселое и славное время русского представительства в древнейшей столице русской и во всей Киевщине. Раевские были из числа богатейших помещиков Киевской губернии. Пышно жили они в Киеве, как и их богатые родственники... Могуч был тогда не только в Киеве, но и во всей Украине блестящий русский элемент».

Хлопоты князя Константина Ипсиланти о том, чтобы его сын Дмитрий был определен в адъютанты к герою Отечественной войны, оказались успешными, а в августе 1818 года из Петербурга в Киев перебрался и Николай, назначенный к Раевскому на такую же должность. Не многим было известно, что генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский был масоном и принадлежал к ложе «Соединенных славян», любезно предоставив свой дом для собраний ложи, в которую князь Николай Ипсиланти был принят безо всяких возражений. Среди «братьев» мы находим уже известные нам имена князей Сергея Григорьевича Волконского и Михаила Федоровича Орлова, будущих зятев Раевского, князей Александра Петровича и Петра Петровича Трубецких. В год основания ложи обряд посвящения в масоны прошли греки: Георгий Матвеевич Кантакузин и Алексей Васильевич Капнист.

Многолюдный Киев – не слишком удобное место для собраний ложи. Иное дело Каменка, имение Екатерины Николаевны Давыдовой⁵⁷, матери старшего Николая Николаевича. В документах ложи «Соединенных славян» «каменская управа» и «каменская сходка» фигурируют довольно часто, а саму Каменку впоследствии будут называть «Меккой декабристского движения юга России».

Уже на подъезде к Каменке у любого, еще издали увидевшего имение Раевских-Давыдовых, которое утопало в зелени и цветах, вырывалось невольное восклицание: «Диво!» К огромному барскому особняку, недалеко от которого плескались воды озера, вела будто вычерченная по линейке главная дорога. Вдоль дороги, словно гвардейцы на строевом смотре, стояли аккуратно подстриженные липы. Дом матери Раевского был выстроен в греческом стиле, с куполом, колоннами и высоким фронтоном. Поздней осенью Каменка с ее патриархальным укладом выглядела не менее обворожительно нежеле летом. Заглянем же в Каменку в Екатеринин день⁵⁸.

Именитые гости и родня хозяйки съезжались не только со всей округи, но и из Одессы, Екатеринослава и даже из Петербурга. О прибытии очередного визитера извещал оркестр дудочников, двери экипажей открывали чопорные швейцары, хранители традиций незабвенного екатерининского времени. Время в Каменке действительно будто остановилось. Екатерина Николаевна даже нарядом и украшениями подчеркивала, сколь дорога для нее память о золотом веке Екатерины Великой.

Хлебосольство хозяйки било через край. Перечислить всех, кто собирался и вел непринужденные светские беседы за роскошно сервированным столом, смысла не имеет. Но торжество завершалось, стихала изысканная музыка, разъезжались гости и за столом остава-

⁵⁷ Екатерина Николаевна Раевская (1797–1885), дочь сенатора Николая Борисовича Самойлова (1750–1823). Фамилия Давыдова – по второму браку со Львом Денисовичем Давыдовым.

⁵⁸ Великомученицы Екатерины (24 ноября).

лись лишь те, кто был посвящен в истинные цели наездов в Каменку. Сие не дано было знать даже Пушкину, искрометные эпиграммы которого вызывали неудержимый смех, в любовной поэзии которого каждый из присутствующих искал и находил свой собственный смысл.

Единомыслие заговорщиков в отношении Пушкина было полным. «Души прекрасные порывы» следовало минимизировать и в целях безопасности держать поэта в неведении от далеко идущих планов. Собственноручное письмо Пушкина, написанное в Каменке и адресованное Н. И. Еречу, в полной мере подтверждает сказанное. «Теперь нахожусь в Киевской губернии в деревне Давыдовых⁵⁹, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная смесь умов, оригинальных людей, известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдения... Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немало стихов...»

Библиотека Раевских-Давыдовых поражала обилием и разнообразием книг, собранных едва ли не со всего света. Женщин было действительно немного. Восемнадцатилетняя А. И. Потапова, гражданская жена Василия Давыдова, была обаятельна и бойка. Аглая Давыдова, жена Александра Львовича, по обыкновению блистала красотой и остроумием. Дочерей генерала Раевского Екатерину и Марию божественная лира Пушкина превозносила до небес. Им еще предстояло дать и несколько прекрасных строк нашей истории.

Читателю необходимо напомнить, что Пушкин находился в южной ссылке, и оттого-то в послании Н. И. Еречу не упомянул ни одной фамилии, ни одного имени. Перлюстрация писем людей неблагонадежных было в то время обычным занятием почтамтских чиновников. Мы же проследим мысль Пушкина.

«Смесь умов» привлекала своей оригинальностью. Вот величественный Николай Николаевич Раевский, о котором тогдашний гражданский губернатор Киева Густав Олизар заметил, что «нельзя было не ценить высокого благородства взглядов и прямоты старого генерала». Полной противоположностью друг другу были сыновья героя, блестящий гвардеец Николай и саркастичный Александр. Под стать ему был Иван Якушкин, который «казалось, молча обнажал царевбийственный кинжал». Сводные братья Раевского Василий и Александр Львовичи разнились по темпераменту, словно полюсы планеты. Философ и мечтатель М. Ф. Орлов поражал глубиной доводов, охлаждая пыл рвущихся в бой князей Николая и Александра Ипсиланти.

Роксана Скарлатовна Стурдза отметила в своем дневнике: «Князь Александр часто посещал опасные беседы». Об одной из них поведал в своих записках И. Д. Якушкин.

«...Для большего порядка при наших прениях был выбран президентом Раевский. С полуслушным и полужабым видом он управлял общим разговором. Когда начинали очень шуметь, он звонил в колокольчик; никто не имел права говорить, не спросив у него на то позволения... После многих рассуждений Орлов предложил вопрос: „Насколько было полезно учреждение Тайного общества в России?“ Сам он высказал всё, что можно сказать „за“ и „против“ Тайного общества. В. Л. Давыдов и К. Охотников были согласны с мнением Орлова, Пушкин с жаром доказывал пользу, которую могло бы принести Тайное общество. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России невозможно существование Тайного общества, которое могло бы быть на сколько-нибудь полезно.»

Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой...»

«Тебя, Раевских и Орлова / И память Каменки любя...» — пишет Пушкин в одном из своих поэтических откровений, словно предчувствуя, что находится в преддверии событий

⁵⁹ Давыдов Василий Львович (1792–1855), декабрист, осужден по I разряду и приговорен к пожизненной каторге.

судьбоносных и роковых и что греческой теме в скором времени суждено обрести звучание не только в призывных листовках и звуках боевых труб.

Пушкину принадлежит и великое философское изречение: «опыт, сын ошибок трудных». На «каменных сходках» и русские дворяне, и греческие патриоты обретали опыт, который приведет одних на эшафот и каторгу, других на поля кровопролитных сражений и в застенки тюрем.

Глава 7. Филики этерия

В ночь на 19 марта 1817 года в Петропавловскую крепость, в печально известный Алексеевский рavelин, где содержались только государственные преступники, в сопровождении конвоя был доставлен «секретный арестант граф Николай Галати». Полицейский чиновник поверил греку на слово о его высокородном происхождении и на русский манер записал его имя и фамилию. На самом же деле уроженца Итаки звали Николаос Галатис, был он молод и легкомыслен, сорил деньгами, а более откровенен в беседах со своей пассией, некой мадемуазель Питш. Она-то и донесла на Галатиса в полицию. Причина доноса была смешна до слез – возлюбленный напрочь отказался выполнить очередной ее каприз. Тут-то мадемуазель и прорвало. Чего она только не наболтала! Дескать, Галатис принадлежит к некой ужасной секте, что в Петербурге имеет высоких покровителей, а в намерение его входит погубить российского монарха. Воспаленное воображение доносчицы возымело воздействие на полицейского чинушу, который немедленно настрочил рапорт тогдашнему министру полиции С. К. Вязмитинову. Так Галатис оказался в тюремных застенках. На допросах выяснилось, что он действительно отпрыск аристократической семьи, что в его багаже письмо от князя Мирдиты в Верхней Албании Петра Гьомарки к Александру Первому, что имел встречу с Иоанном Каподистрией, статс-секретарем Министерства иностранных дел, что собирался поступать на русскую службу и что если бы Александр Первый удостоил его аудиенции, то он бы «довел до русского царя о привязанности к нему греческой нации и ее желании видеть августейшего покровителя для освобождения от ига угнетающих ее тиранов».

Распоряжение об аресте Галатиса отдал сам император, на жизнь которого согласно доносу был намерен совершить покушение заезжий грек. Следственное дело Галатиса вызвало у Александра Павловича неподдельный интерес. И вовсе не случайно. В нем фигурировали фамилии новороссийского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона, разрешившего Николаосу поездку в Петербург, министра полиции С. К. Вязмитинова, не возражавшего против таковой, бывшего господаря Молдавии князя Александра Маврокордато, у которого Галатис останавливался в Москве, чиновника канцелярии Министерства иностранных дел Константина Кандиоти, которого Иоанн Каподистрия называл своей правой рукой, и, наконец, сам статс-секретарь, который встречался с секретным узником.

Детективная история вполне могла завершиться для Галатиса трагически, а для высших государственных чинов России опалой, если бы государь оказался глух и нем в решении судьбы Галатиса.

Между тем на допросах выяснились весьма любопытные подробности о том, что Галатис принадлежал вовсе не к секте извращенцев или хулителей Господа и даже не к масонам, обласканным в правление Александра Первого, а к некому греческому обществу, именуемому «Филики Этерия». «Это общество, – сообщил следователю Галатис, – распространено в Греции, члены которого имеются во всех странах, – общество весьма могущественное, состоящее из нескольких тысяч человек, цель его состоит *только* (курсив мой. – Б. К.) в освобождении моей родины из-под турецкого ига».

Надо полагать, что император с облегчением вздохнул, прочтя эти строки, и имел с Иоанном Каподистрией продолжительную беседу. Ко всему, Галатис являлся подданным Великобритании и статс-секретарь привел такие веские доводы, которые не оставили сомнения: Галатис вовсе не наемный убийца и не возмутитель спокойствия, да и организация, к которой он принадлежит, проникнута стремлением, схожим с интересами российской политики. В течение пяти дней узел был распутан, головы всех остались на своих местах, гнева правителя не последовало. Более того, император повелел сжечь все бумаги, которые были отобраны у Галатиса. Мера более чем предусмотрительная, учитывая болтливость члена

«Филики Этерия». Сам же Галатис был отправлен в Кишинев в сопровождении полицейского офицера. В секретной сопроводительной депеше, написанной Иоанном Каподистрией наместнику Бессарабской области генералу А. Н. Бахметьеву и российскому генеральному консулу в Молдавии и Валахии А. А. Пини, относительно судьбы Галатиса говорилось, чтобы она была устроена по возможности «обезопасить оного от собственных безрассудков и преследования со стороны оттоманского правительства».

Итак, никаких указаний от Александра Первого относительно расследования деятельности самой «Филики Этерия» полицейские власти не получили. Все осталось на своих местах, а некоторое время спустя появилось утверждение, будто бы Александр Первый, граф Каподистрия и русский посол в Стамбуле граф Г. А. Строганов – «тайные вдохновители и организаторы этеристского движения».

Между тем у «Филики Этерия» были не только мнимые, но и подлинные основатели. Первая «Этерия», которую возглавлял Ригас Велестинлис, была обезглавлена, так и не набрав силы и не получив распространения в Греции. Иное дело вторая «Этерия», основание которой относится к 1814 году.

Оставшийся неизвестным автор, о принадлежности которого к греческой диаспоре России сомнений не имеется, описал победную эйфорию, царившую после окончания Отечественной войны 1812 года.

Зевеса лик светло сияет,
Бог встает и возглашает:
«Слава русским! – говоря. –
Только пусть высокомерность
и тщеславная надменность
в сердце русского царя
никогда не закрадется,
стражем мира на века –
угнетенных защищает
и закон распространяет
повсеместный навсегда...

Становилось ясным как Божий день, что Россия после кровопролитной и разорительной войны не сможет протянуть руку помощи единоверцам на Балканах. Однако никто из греков в ту пору не мог упрекнуть Россию в неизменном покровительстве православным христианам. Ни в одной стране так называемой цивилизованной Европы греки не имели ни настоящего приюта, ни подлинной свободы, ни дружеского участия, а тем более возможности поступить на государственную службу.

Казнь Ригаса и его ближайших сподвижников оставила глубокую отметину в народной памяти и стала не только «кровавым завещанием», но и предостережением относительно истинных намерений западных держав. Идея Этерии, можно сказать, жила в каждом греке и то, что вторая Этерия была основана людьми, не известными в Греции, лишь подтверждает сказанное.

...В ревизской справке на «нежинского российского подданного», грека по происхождению, торговца пушниной Никифора Афанасьевича Цакалова значилось, что у него есть сын Афанасиос, которому исполнился 21 год. Что из себя представлял юноша, можно судить уже по тому, что он каким-то образом насолил Мухтар-паше, не терпевшему инакомыслия в своих владениях в Янине. С превеликим трудом Афанасиосу удалось избежать неминуемой расправы и бежать в Россию. Отец был необычайно богат и средств на обучение наследника не жалел. Так Афанасиос оказался в Париже, где в силу своего деятельного характера вошел

в патриотическое общество «Гостиница греческого языка». Трудно судить, сколь серьезных успехов добился юноша в языкознании, одно очевидно – его жгучая ненависть к поработителям греческого народа попала на благодатную почву. В 1814 году Афанасиос Цакалов обосновался в Одессе, куда несколькими годами ранее и также из Франции приехал Эммануил Ксантос. Получив отменные знания за рубежом и обретя духовный опыт, он без труда получил место у одесского именитого купца Василиоса Ксениса. Последний в силу своей обремененности летами и заботами многие из поручений доверял Ксантосу и вовсе не подозревал, что скромный труженик ищет любую возможность, чтобы установить контакт с людьми, которые не смирились с горькой судьбиной Греции. В одной из своих деловых поездок в Порту Ксантос таких людей нашел и вступил в масонскую ложу. Базировалась она на острове Левкас⁶⁰, где «братья» вели свои работы в общем русле франкомасонства, напрочь оторванного от каких-либо национальных интересов. Но «брат» Ксантос обладал немаловажными чертами – пытливостью и скромностью, и свое пребывание в рядах «вольных каменщиков» рассматривал как трамплин в нечто иное, которое пока представлялось ему весьма смутно.

В Одессе наброски идеи стали обретать реальные очертания. Используя опыт организации масонов, отбросив их мистику и ритуалы, Ксантос вознамерился создать тайное общество, целью которого было объединить греков в борьбе за свободу родины. Ксантос учел и печальную судьбу Ригаса, который пытался перенести опыт Франции на Грецию и был слишком доверчив в надеждах на сострадание «христианских государей». Подлинное и искреннее сострадание к грекам проявляли только российские государи и государыни. И к тому же Одесса, греческая колония в которой достигла к 1812 году более тысячи человек, представляла собой то самое благодатное место, откуда потянулись бы нити к обществам и организациям патриотического толка, разбросанным по всей Европе и тайно существовавшим в Греции.

Справедливо будет напомнить, что до конца XVIII века города Одессы как такового на карте Российской империи не существовало. На берегу Черного моря располагался небольшой турецкий городок Хаджибей, а вход в бухту прикрывала крепость Ени-Дунья. В 1789 году отряд под командованием адмирала Осипа Михайловича де Рибаса взял крепость штурмом, а в 1794 году по указу императрицы Екатерины II был устроен военно-торговый порт, названный Одессой.

Платон Зубов, назначенный Екатериной Второй генерал-губернатором Новороссийского края, испросил у матушки-императрицы разрешения на создание греко-албанского дивизиона, которому были отведены 15 тысяч десятин удобий в окрестностях Одессы.⁶¹ В 1795 году дивизион в составе трех рот был укомплектован. В этом же году Зубов отписал в Петербург, что командир дивизиона, назначенный им «по уважению и доверенности к нации греческой» подполковник А. Кесоуглу принял попечение над «62 семействами, 27 купцами, 14 человек разного звания». Всем им за счет российской казны были выстроены каменные дома и выданы денежные пособия.

Как показало время, место сие оказалось достойным, чтобы быть воспетым в стихах:

Здесь упоительно дыхание садов.
Здесь ночи теплые, луной и негой полны,
На злачные брега, на серебрянны волны
Сзывают юношей веселые рои...
И с пеной по морю расходятся ладьи.⁶²

⁶⁰ Ныне остров Святой Мавры.

⁶¹ Указ Екатерины II от 30.04.1795 «Об устройении селения единоверных народов в г. Одессе и окрестностях оною».

⁶² Туманский В. И. «Одесса» (1824).

«Триумвират» – понятие, пришедшее к нам из Древнего Рима, дословно означавшее «союз трех мужчин». О Цакалове и Ксantosе было сказано. О Николаосе Скуфасе известно очень немного. Он принадлежал к масонам и бежал из Эпира, где имел свое дело, попав под подозрение администрации Али-паши. В Одессе основал собственную торговлю, взяв кредит в Московском Коммерческом банке. Дело шло ни шатко ни валко. Встреча с Ксantosом и Цакаловым произвела подлинный переворот в судьбе Скуфаса. Разве имеет значение то, когда и где они встретились, как обнаружилось их единодушие в воззрении на судьбу греческого народа, важно одно: сущая беда для союзов такого рода – внутренние распри и противоречия – миновала друзей, что позволяло с надеждой и уверенностью смотреть в будущее.

Александр Ипсиланти.

Гербы Молдавии и Валахии.

Князь Константин Ипсиланти.

Киев. Театральная площадь (середина XIX века). Литография И. Ляуфера с акварели М. Сажина.

Киев. Могила князя Константина Ипсиланти.

Цесаревич и великий князь Константин Павлович.

Милорадович М. А. (1771–1825). Гравюра Боллингера с оригинала Тейзингера.

Санкт-Петербург, Дворцовая площадь. Литография Ж. Арну, 1850-е гг.

Медаль, выбитая в память Кучук-Кайнарджийского мира 10 июля 1774 г.

Масонская грамота.

Печать Великой Провинциальной ложи (С.-Петербург), XIX в.

Обер-офицер лейб-гвардии кавалергардского полка, 1810-е гг. *Краузе* (конец XVIII – / пол. XIX в.). Бумага, акварель.

Дмитрий и Александр Ипсиланти.

Обер-офицер лейб-гвардии гусарского полка, 1810-е гг. Краузе (конец XVIII – / пол. XIX в.). Бумага, акварель.

Крест ордена св. Георгия 3-й степени и сабля в ножнах (наградная), принадлежавшие Я. П. Кульневу. Орден был на груди Кульнева в сражении при Клястицах.

Кульнев Я. П. (1763–1812)

Ридигер Ф. В. (1782–1856)

Сражение за Полоцк. Гравюра Мартине, сер. XIX в.

Витгенштейн П. Х. (1768–1842). Гравюра И. Клаубера, 1810-е гг.

Александр I, император России (1777–1825). Гравюра Ф. Кендрамини по оригиналу Л. Сент-Обена, 1813 г.

Венский конгресс, 1814–1815 гг. Из русских представителей здесь находились: Александр I, Разумовский А. К., Нессельроде К. В. *Правая часть гравюры Ж. Годафруа по оригиналу Ж. Изабе, 1819 г.*

Иоанн Каподистрия (1776–1830), первый президент Греческой республики.

Нессельроде К. В. (1780–1862). Литография Е. Олдермана по оригиналу Ф. Крюгера, 1 пол. XIX в.

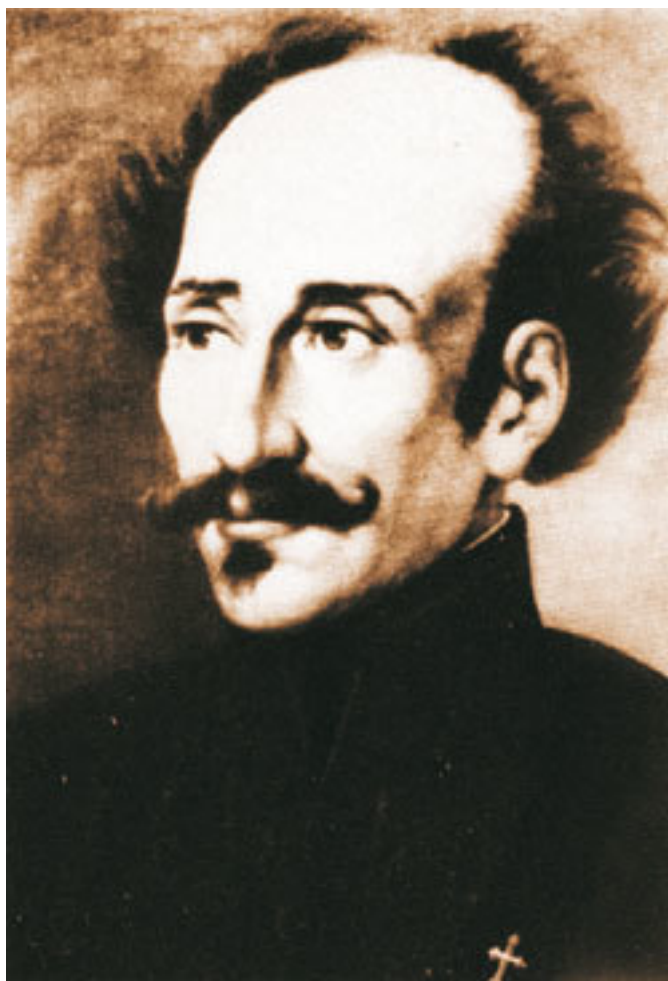
Резиденция господаря на Михай-Водэ в 1794 году (По гравюре Луиджи Майера)

Румынские бояре.

Меттерних К. (1773–1859). Гравюра по оригиналу Ф. Лидера. 1 пол. XIX в.

Александр Ипсиланти, руководитель греческого национально-освободительного восстания

Роли в триумvirате, судя по всему, были распределены следующим образом. Старший из его участников, Ксантос, немало почерпнувший у масонов, взялся за создание символики и принципов, на которых должно строиться тайное общество. У Цакалова был опыт деятельности в просветительской организации. А Скуфас имел надежные связи с партнерами по торговле. К сентябрю 1814 года друзья сформулировали главную задачу организации: «вовлечь в нее всех своих видных и храбрых соотечественников, для того чтобы сделать то, чего они так долго ожидали от христианских государей». Не было и споров по поводу названия тайной организации. Слово «революционная» отпугнула бы тех, кто страшился неуклонного кровопролития, а вот «Филики Этерия»⁶³, то есть «Дружеское общество» – подошло в самый раз. В «Толковом словаре живого великорусского языка» понятию «дружба» соответствует такой смысл: «Взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их в добром смысле, бескорыстная приязнь, основанная на любви и уважении; в дурном, тесная связь, основанная на взаимных выгодах».

Ни Ксантос, ни Накалов, ни Скуфас не искали для себя ни выгод, ни славы. Об этом читаем у греческого историка И. Филимона: «Хотя и наслаждаясь в чужой стране спокойствием и материальным благополучием, они всегда были готовы конспирировать ради своей родины. Работая, не щадя сил, для ее блага, они действительно были убеждены в том, что

⁶³ На древнегреческий манер – «Гетерия». Отсюда и «гетеристы».

русские и греки, кто-нибудь первый, а кто-нибудь вслед, или те и другие одновременно, выступят против Турции».

«Греческое возмущение», как именовалось восстание в официальных донесениях, бушевало вовсю, когда полицейские ищейки скрупулезно и дотошно принялись выискивать его истоки. И вот к какому выводу пришли следователи: «...Гетерия создавалась в Вене в 1814 году во время Конгресса. Зачинщики оной были македонец Анагнос, этерянин Ставро (Ставро-Иоанис), архимандрит Антимос Газис и Феоклет Макриницкий. Они руководимы были в составлении сего общества лицами, к революционной Европейской секте принадлежащими. Скоро приступили к ним первым членам Григорий Амбелаккиотис и Константин Кумас... Они учредили знаки, дипломы... измена обществу наказывалась смертью...»

Находим мы в этом документе знакомые имена Перревоса и Сантоса, эмиссаров Венской Этерии. «Посланные сии вообще бродяги, желали только придать себе важности и по возвращении уверяли в большом успехе...»

Допрашиваемый, князь Ханджери, заявил, что «лиц, действовавших в гетерии, можно разделить на три класса:

Первый – члены революционной Европейской секты, подучившие первых ее начальников. Они не играли никакой роли в Гетерии и мало заботились о том, что претерпит греческая нация.

Второй – первые начальники сего сообщества, одушевленные большим усердием к своему отечеству, но судившие по вероятностям и ложным донесениям. Революционные статуты, принятые ими, были в глазах их только способом к сохранению секрета.

Третий – эмиссары и другие члены, которые не имели никаких сношений с Европой и из коих главная часть думала только о своих выгодах».

Исходя из сказанного, следователь сделал вывод:

«...Нация, которая сражается теперь для освобождения своего, была обманута всеми партиями и ничего общего не имеет с Гетерией... Если бы имя России не было выставлено вперед, то и сия Гетерия имела бы ту же участь, какую имела Гетерия Ригаса...»

Организации «вольных каменщиков», работавших по шотландской, французской, шведской и другим системам, имели, как правило, тридцать три ступени, на наивысшую из которых даже при всем желании и усердии никто из масонов не мог взойти, ибо она принадлежала никому не ведомому Архитектору Вселенной. Восстание без вождя – пустой звук, мистицизм – помеха в достижении цели, клятвы без жертвенности – сотрясение воздуха. Наш триумвират немало передумал, пока не пришел к осознанию того, что только человек, впитавший с молоком матери ненависть к туркам, готовый не только словом, но и делом содействовать освобождению Греции, достоин был состоять в «Филики Этерии».

Разногласий в индивидуальном подходе к приему в общество между друзьями не было. А вот клятвенное обязательство пришлось разбить на две части. И осуждать в том друзей не следует. «Малую клятву» давал вновь вступающий в «Этерию». Звучала она так: «Клянусь, во имя правды и справедливости, перед Господом Богом, что, жертвуя самой моей жизнью, снося самые жестокие пытки, буду держать в секрете, во всем значении этого слова, тайну, в которую я буду посвящен, и обязуюсь дать правдивый ответ на все, о чем я могу быть спрошен».

Принимая клятву на Евангелии в присутствии священника, вербовщик требовал, чтобы «побратим» произнес ее трижды и оставил на листе с начертанным крестом роспись (для неграмотных – отпечаток пальца). Вербовщик принадлежал к третьей или более высокой степени, которых в «Этерии» насчитывалось пять.

Первая: «побратимы» – для совсем неграмотных патриотов.

Вторая: «рекомендованные» – знавшие грамоту. Им после произнесения клятвы задавалось не менее 10 вопросов, а затем вручалось рекомендательное письмо, характеризующее вступившего в Этерию как «верного патриота и достойного человека».

Третья: «иереи» – патриоты, которые определенное время пребывали в степени «рекомендованных». Они держали суровый экзамен на верность идеалам «Этерии», на твердость духа и решимость идти до конца, даже если бы им угрожала смерть. Посвященные в иереи произносили «великую клятву». Зачитывал ее посвяtitель, вослед которому произносил слова клятвы посвящаемый: «Клянусь, что буду питать в моем сердце непримиримую ненависть к тиранам моей отчизны, а также к их приспешникам и единомышленникам. Обязуюсь всеми мерами действовать им во вред, добиваясь, если позволят обстоятельства, их полной гибели». Далее шли обязанности «иерея»: не проявлять нездоровый интерес к деятельности «Этерии», вербовать новых членов, быть покорным этеристам высших степеней и т. д. Завершали клятву такие проникновенные и возвышенные слова: «Клянусь тебе, священная и несчастная Отчизна, клянусь горькими слезами, которые столько веков проливают твои несчастные дети!.. Целиком отдаюсь тебе! Впредь твои желания будут причиной и целью моих помыслов!.. Пусть святое правосудие истощит на мне все свои кары небесные, пусть имя мое станет ненавистным, а образ мой предан проклятию... если я не исполню своего долга...» «Иерей» получал «письмо превосходства» и диплом, написанный шифром.

Четвертая: «пастыри», в дипломе которых вместе с зашифрованным текстом был изображен полумесяц, от одной из оконечностей которого начиналось знамя с «двумя недремлющими очами», к другой был пририсован якорь, который обвивала змея – символ бдительности и глубокомыслия. В «пастыри» посвящались только люди, хорошо известные руководству «Филики Этерия».

Высшая власть принадлежала «архи». Э. Ксантос, Н. Скуфас, А. Цакалов взвалили ее на свои плечи и вовсе не считали вершину «Филики Этерии» закостенелой. Уже в 1815 году в составе «архи» появился видный общественный деятель Греции, ученый А. Газис, а несколько позднее А. Секерис, студент Московского университета, и А. Комизопулос, нежинский купец.

В 1818 году к пяти упомянутым степеням основатели «Филики Этерии» добавили еще три степени: «архипастыри», «посвященные» и «начальники посвященных».

Как только организация заимела надежную структуру, ее эмиссары отправились во все уголки Европы, где проживали греки. В самой же Греции, в неподвластных туркам областях Мани, Суфья, Сфакье, в горах Олимпа, Парнаса шла вербовка тех, кого турки называли клефтами, т. е. ворами. В народе же их именовали «партизанами», или защитниками, ибо они предпочитали смерть в бою, нежели рабское повиновение угнетателям.

По удивительному совпадению, в сентябре 1814 года, который принято считать годом основания «Филики Этерия», в Вене проходил конгресс европейских монархов, на котором решался вопрос об устройстве послевоенной Европы и разделе сфер влияния. На одном из заседаний, когда речь зашла о политике на Балканах, австрийский канцлер Меттерних без обиняков выпалил, словно стопушечный фрегат: «Греческой нации не существует!»

Статс-секретарь Министерства иностранных дел России Иоанн Каподистрия, который присутствовал на Венском конгрессе, мыслил иначе, а уж создатели «Филики Этерии» постарались воочию доказать, что высказывание Меттерниха не более чем ложь на длинных ногах и что единение нации не сокрыто вершинами Балкан, а близко и неизбежно.

Основатели «Филики Этерии» отчетливо сознавали, что без лидера, к которому греческий народ питал бы искреннее уважение, любая попытка свергнуть ненавистное турецкое иго была обречена на провал.

И тут, к несчастью Ксантоса и Цакалова⁶⁴, в Одессе объявился уже известный нам Галатис. Уж каким образом молодой аристократ расположил к себе российские власти, остается строить догадки. Вряд ли письмо, которое он вез с собой, представляло серьезный интерес для Александра Первого. Скорее всего это был предлог для того, чтобы добраться до Петербурга. Казалось, сам случай шел в руки триумвирату. Галатис стал членом «Филики Этерия» и отправился с важным поручением в столицу Российской империи. Как он распорядился доверием руководителей тайной организации, было сказано. Возможно, друзья трижды осенили себя крестным знаменем, прознав, что угроза существованию «Этерии» миновала.

Отказ Иоанна Каподистрии от предложения возглавить тайное общество обескуражил триумвират и они перенесли центр тяжелой подпольной работы в Стамбул. Да-да, именно в самое логово султанского режима. Надо отдать должное Скуфасу и Цакалову: вербовщиками и конспираторами они оказались отменными. Правительству Порты, возможно, и в кошмарном сне не снилось, что в столице полным ходом идет работа, которая исподволь подтачивала основание империи зла и насилия; что все владения Порты в Греции руководители «Этерии» поделили на особые зоны, назначив во главе каждой из них, в противовес турецкой администрации, собственного «апостола»; что мимо турецкой казны проплывают огромные суммы, которые тратятся на закупку оружия и снаряжения; что большая часть российских консулов, преимущественно греков, невзирая на риск, состоит в рядах тайной организации, главная цель которой – свобода и независимость Греции.

Когда стало ясно, что российский монарх не собирается подвергать преследованию «Филики Этерию», деятельность ее в России приобрела широкий размах. Обязанности «архипастыря» вынудили Афанасиоса Секероса оставить учебу и перебраться из Москвы в Одессу. Выбор триумвирата был удачен. Молодость, энергия, умение расположить к себе, соблюдая при этом осторожность и рассудительность, позволили Секеросу в считанные месяцы привлечь в организацию многих единомышленников. Среди них выделялся несомненным организаторским талантом Андонис Цунис. И вскоре этеристские группы образовались в Измаиле, который стал опорной базой, и в Кишиневе.

Становилось очевидным, что без привлечения в организацию людей, имевших боевой опыт, главная цель «Этерии», вооруженная борьба с режимом, была невыполнимой. И вот тут-то Секерос и Цунис проявили немалую изобретательность. Количество офицеров-греков в русской армии и на флоте исчислялось сотнями, только вот были они разбросаны по гарнизонам и флотам. И всё же на юге России их оказалось достаточно много. А в желании помочь многострадальной родине им нельзя было отказать.

А теперь заглянем в русскую миссию в Стамбуле, где в качестве второго секретаря подвизался Г. А. Катакази, брат гражданского губернатора Бессарабии К. А. Катакази, который, как известно, был женат на Екатерине, родной сестре Александра Ипсиланти. Еще князь Константин Ипсиланти пытался возвратить хотя бы часть имущества своей семьи, которое нагло присвоили себе турки. Надо полагать, что его поверенным в имущественных делах был Гавриил Катакази. Но кроме официальной должности, последний некоторое время числился в «Этерии» в качестве «посвященного», а затем был причислен к третьей степени – «иерея». В Кишиневе в конце 1818 года втайне от родни Гавриил Катакази принял в «Этерию» Николая Ипсиланти с титулом «иерея», что позволяло тому завербовать своего брата Дмитрия, служившего, как мы помним, в ординарцах у генерала Николая Николаевича Раевского.

В то же время в Кишинев из Стамбула приехал двоюродный брат греческих князей Иоаннос Манос, уговорить которого о вступлении в Этерию Николаю Ипсиланти не составило особого труда.

⁶⁴ И. Скуфас (1779–1818) бто время находился в Стамбуле, где и скончался от болезни сердца 31 июля (12 августа) 1818 г.

Между братьями тайн не существовало, но самый старший из них, Александр, также гостивший у сестры в Кишиневе, сделать решительный шаг не спешил.

Глава 8. Генерал-эфор и «благодетель»

Александр Скарлатович Стурдза, родственник князя Александра Ипсиланти, обладая живым умом, наблюдательностью и литературным даром, в котором он вполне мог соперничать со своей сестрой, фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны, более известной как графиня Эделинг, по горячим следам взялся за жизнеописание графа Иоанна Каподистрии, в котором, ничтоже сумняшеся, раздавал налево и направо весьма нелицеприятные оценки видным этеристам. «Тем временем, – сообщал Стурдза в своем опусе, – воинственные сонмы удалцов, встревоженных внушениями «Этерии», пылали нетерпением и яростью. Надлежало непременно подкрепить их усердие выбором начальника в самой России, и тем отвлечь их внимание от непреклонности Каподистрии. Жребий пал на генерал-майора князя Александра Ипсиланти. Дерзкий, безнравственный член «Этерии» Ксантос, отринутый графом Каподистрией за своекорыстные домогательства, приступил к неопытному юноше, одушевленному ревностью к отечеству, но не по разуму. В лице его соединялись все качества вождя патриотов, все, кроме высокого гения. Сын изгнанника, господаря Константина, внук князя Александра, умного старца, испустившего дух в мучениях в жестокой пытке за побег своего сына... прославленные раною на поле чести и осыпанный милостями Освободителя Европы, юный Ипсиланти блистал удалой наружностью, веселостью нрава и дышал пламенной любовью к стране своих предков. Все в нем способствовало очарованию умов, возбуждению страстей, мгновенному быстрому порыву его последователей: знаменитый род, гонение турецкое, свойства души, воинский сан, приближенность к Самодержцу, отвага и счастье, дотоле осенявшие юную главу ее...»

Напомним, шел 1820 года и Александру Ипсиланти исполнилось двадцать восемь лет. Ксантосу, которого А. Стурдза наградил нелестным эпитетом, было сорок восемь лет, и руководил им не столько порыв, сколько здравый смысл и опыт. Годы, проведенные в Стамбуле и поездки по Греции позволили окончательно утвердиться во мнении – почва к вооруженному выступлению подготовлена, недовольство умов достигло апогея. Клефты, моряки, учителя, студенты, священники пополняли ряды патриотов, и лишь греки-фанариоты и высшее духовенство стояли особняком – в «Этерии» к ним доверия не питали. Скуфасу и Цакалову на какое-то время удалось создать видимость «незримой верховной власти», предположительно состоящей из Каподистрии и Александра Первого. Однако основатели «Этерии» отдавали себе отчет, что созданный миф может обернуться против них самих, и потому 4 октября 1818 года было принято решение обратиться к Каподистрии с официальным предложением возглавить «Этерию». Как к этому отнесся статс-секретарь, нам известно из записок А. Стурдзы. Приведем строки, написанные Каподистрией, которые как нельзя лучше характеризуют его воззрения:

«Нравственное воспитание и образование Греции – вот чем единственно и только должны заниматься греки. Всякое другое стремление тщетно, всякая другая деятельность опасна». Сравним это высказывание с ответом Александра Первого эмиссарам повелителя Эпира Али-паши: «...Его императорское величество, в строгом смысле системы своей, не изменит правилам оной и в восточных сношениях». Сказанное надо понимать так: никакие перевороты, никакие восстания, никакие революции на Балканах царь не поддержит, и следовательно, грекам, сербам, черногорцам, болгарам необходимо проявлять сдержанность и запастись терпением. А вот на какое время? Сей вопрос так и остался без ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.